

Александр Левин

СЧИТАТЬ
ПРОПАВШИМ БЕЗ
ВЕСТИ

Роман

1905	Московской обл. Таинского р-на д. Водный	Тайнинский РВК	с 25 авг. 1941 г.	жена Оухарова И.И.
1912	Московской обл. Таинского р-на д. Водный	Тайнинский РВК	с 28 августа 1941 г.	жена Курова Нел.И.
1918	Тайнинской АССР д. Водный	Тайнинский РВК	с 1941 г.	жена Курова Нел.И.
1907	Московской обл. Таинского р-на д. Александрово	Тайнинский РВК	с августа 1941 г.	жена Оухарова Анна Михайл.
1911	Московской обл. Таинского р-на д. Водный	Тайнинский РВК	с 11 июля 1941 г.	жена Фандеева Елизавета Алекс.

41-й
ПОВЫЙ ПОЛК
ИЗВЕЩЕНИЕ
Красноярский
Левин Иван Александрович
г. Москва 43 полк
Социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив
в мужество, был
Убит 15-1-42
в Грозитской Могиле

96
Левин Иван Александрович
(фамилия, имя и отчество)
г. Москва 43 полк
(область, район, деревня и т.п.)
Социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив
в мужество, был
Убит 15-1-42
в Грозитской Могиле
(место захоронения)

1933	Тайнинский РВК	письмо	с 15 сент. 1941 г.	жена Кардинова Иван.
1941	Тайнинский РВК	письмо	не было	жена Хорезва Акулина Вас.
1941	Тайнинский РВК	письмо	с января 1942 г.	жена Цельнова Прасковья Петровна
1941	Тайнинский РВК	письмо	с 5 авг. 1942 г.	жена Чудикова Мария Александровна
1941	Тайнинский РВК	письмо	с августа 1941 г.	жена Цыганова Анна Васильев.
1942	Тайнинский РВК	письмо	с июля 1942 г.	жена Первакова А.А.

1909	Московской обл. Таинского р-на д. Писовка	Тайнинский РВК	с июля 1941 г.	жена Шлякова Анна Сильванов.
------	---	----------------	----------------	------------------------------

Александр Левин

**Считать пропавшим
без вести. Роман**

«Издательские решения»

Левин А. В.

Считать пропавшим без вести. Роман / А. В. Левин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509435-3

Книга о простых людях, переживших со своим Отечеством все радости и беды XX века, незаслуженно забытых в наши дни, пропавших в памяти своих потомков без вести. Нашим бабушкам и дедушкам, нашим родителям посвящается! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-509435-3

© Левин А. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Часть I	8
Аннушка	8
Тамбовский исток	8
Излом	11
Людской помол	16
Анна	20
Оторвавшийся листок	20
Часть II	23
Пётр	23
Сольцы	23
Счастливая жизнь	24
Война	28
Ленинградские дни	30
Случайное знакомство	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Считать пропавшим без вести Роман

Александр Владимирович Левин

© Александр Владимирович Левин, 2019

ISBN 978-5-0050-9435-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Что движет писателем, который создаёт произведение? Желание выделиться? Нет. Заработать? Тоже нет. Может быть, написать лучше, чем у других из ревности? И этот ответ будет неправильным!

Автор всегда делится частью своей души с читателями, погружая их в свой мир, в те яркие моменты жизни или фантазии, которые он пережил сам. Это радость или безутешное горе, любовь, огромное счастье или душевная пропасть, печаль. Вся палитра эмоций воздействует на людей, читающих книгу. Каждый чувствует и оценивает происходящее в ней по-своему.

Книга может нравиться или нет. Но она не оставляет людей равнодушными, ибо несёт в себе новое знание, информацию.

Возможно, кто-то возразит: «Всё это где-нибудь, когда-нибудь уже было. Ничего нового не придумано!» Я думал раньше так же.

Увлекаясь историей Великой Отечественной войны, исследуя донесения о боевых потерях, в которых напротив имён и фамилий бойцов написано «Считать пропавшим без вести», я перелистывал страницы, как сторонний наблюдатель, полагая справедливо, что большинство бойцов сгинули в плену, или, неучтённые, истерзанные от взрывов, разбросаны по местам боёв, и найти хотя бы примерное место их захоронения, гибели, практически невозможно!

И тут МОЙ «пропавший без вести» дед нашёлся! Ребята-поисковики – бескорыстные души, возвращающие людям их героев «с кровавых полей», обнаружили его останки и медальон в мае 2014 года. И это случилось именно со мной, а не в газетной статье или программе ТВ! Весть принеся радость, открывшая дверь за которой находилось недостижимое! Разве это не новое?!

«Ты правильно постучался», – сказал мне свояк, зная мои пристрастия к историческим документам, мои произведения на эту тему.

Что я знал о своих дедах? Лишь бабушки рассказывали мне о не вернувшихся с фронта мужьях. Казалось, они недосыгаемы и как былинные герои существуют только в рассказах родных, да на официальных бумажных документах.

Это событие можно считать чудом или везением. Но оно не возникло на пустом месте, а пришло из желания прикоснуться к родному человеку погибшему на войне.

И я прикоснулся не только к своим деду, а ещё, к сотням его земляков «без вести пропавших». Своим подвигом он протянул через ребят-поисковиков нить, вернувшую память о них, о том месте, где они погибли, защищая Родину.

«Родина» – такое важное слово для каждого человека. Когда она в опасности, мы стараемся её укрыть, защитить. Мы справедливо требуем, чтобы и она нас тоже защищала. И очень часто обижаемся, что какой-нибудь бюрократ-чинуша, состоящий на её службе, не внемлет нам. Значит, Родина забыла про нас?

А теперь задайтесь вопросом: «Кого из своих предков помните вы? Что вы сделали, чтобы узнать, кем они были, как они жили?» И вы сразу поймёте, что равнодушный чиновник не с неба свалился на нашу Родину.

Вспомните и не переставайте искать своих родных и близких! Быть может тогда напротив вашей фамилии никогда не будет стоять бездушная фраза «Считать пропавшим без вести».

Пролог

Кому это нужно? Вот брат говорит: «Процентам двум». Откуда тогда столько людей с портретами на девятое мая? Дань моде? Президент сказал? Да хоть бы и так.

Звоню, чтобы записаться в архив Министерства Обороны – занято на три недели вперёд. Значит пошли, пошли внуки и правнуки искать своих, забытых, геройски и не геройски павших родных, которых забрала та война взамен на наше дыхание.

Часть I

Аннушка

Тамбовский исток

В тысяча девятьсот четырнадцатом году, февральским днём, в семье крестьянина и гончара села Чащино Тамбовской губернии Силантия Лычагина родилась ещё одна девочка. Да не дома, а на дороге, на дровнях, когда он вёз жену к «фелшеру» в посёлок Мучкап. «Ижн, орастая!» – по звонкому крику Силантий понял, что дочь будет с характером. Она сразу признала материну грудь и с удовольствием начала сосать молоко. Силантий раскинул взятый с собой тулуп, прикрыл им жену и дочь, чтоб не застыли и повернул дровни обратно к дому. «Добрая работница и хозяйка получится, ишь как вцепилась. Эта сваво не отдасть! Что у нас там в святцах? Анна! Ну так тому и быть!»

В избе с любопытством смотрели на Нюрочку старшие братья, уже вовсю женихавшиеся с деревенскими девками, да младшая сестра Дуняша, помощница и опора матери. Она и принялась опекать малышку, то покачивая её в зыбочке, привязанной к потолку, то меняя намочившие свивальники под малышкой.

Эти тёплые, добрые Дуняшины руки Аннушка не забудет никогда. Спустя многие годы, приезжая к себе на родину с подарками, в первую очередь будет приходить в её дом. Подолгу, с удовольствием чаёвничать с московскими конфетками, расспрашивать сестру о тутошних делах и родных, с гордостью показывать своих детей и внуков.

А пока в Чащино намечалась весна, протяжно мычали в хлеву коровы, прогоняя давно уже опостылевшую февральскую метель и «кривые дорожки».

Хозяйство Силантия было большим, добрым. Он считался крепким мужиком, «хорошо стоял на ногах», был немногословен и жаден до работы. Может от того, что знал, как управлять своим хозяйством и крепко держал его, как коня, за шлею, местные и прозвали его «Шляйном», хоть и начинался его род с мастеров по плетению лаптей. Лыко было основным материалом. Мастера весной срубали молодые деревья – лутошки, обрубали ветки и драли полосное лыко с их стволов. Потом набирали лычки по узору в лапти. Отсюда и пошли – Лычагины!

В Российской Империи в то время благодать была мужику на Тамбовщине, выстрадавшая за долгие годы непосильного труда на помещиков и дворян. Он получил право на свободное землепашество и ведение собственного хозяйства. Страна кормила пол-Европы, хозяйства богатели. Живи, да радуйся!

Сыновья Илья и Иван трудились наравне с отцом. Поднимались до зари, хлопотали на скотном дворе, давали овсу лошадям, выгребали навоз, месили глину, обжигали горшки в печи, ездили на реку Ворону за водой, да с отцом на ярмарку в Мучкап с товаром. Они первыми приносили городские вести, да больше «балашовских», чем «тамбовских».

Тамбовская земля – благодарная, богатая. Сдобренная жирным чернозёмом, она давала всегда большие урожаи зерна и овощей. На всю Россию славился тамбовский картофель и золотистое зерно. Большая родня Силантия расплодилась и расселилась по Тамбовщине с конца шестнадцатого века, когда в России случился голод. Дворяне с боярами распустили своих крестьян, чтобы не кормить, на все четыре стороны. В те стародавние времена это был угрюмый, затишный предел. По берегу реки на деревьях каркали не унимаясь вороны, в предвкушении палой добычи или останков зверья, которые не доели вездесущие тамбовские волки, стаями бродившие по местным лесам. Оттуда и название реки – Ворона.

Работы мужику тут хватало, и чувствовал он всем своим телом, всем своим разумом, что это его родная Мать-земля, которая и накормит, и напоит, и теплом своим согреет.

Около Вороны и появился сначала хутор Здрев (по фамилии основателей). Много людей переехало сюда на житьё – бытьё, разросся затишный угол. На левом, высоком берегу реки, заросшем непроходимыми кустами ежевики, стоял могучий лес-чаща, наполненный старицами и озерцами, по половодью превращающийся в одно сплошное море воды. Стали называть это поселение – Чашино.

Поначалу местные жители окуривали лесных пчёл и обустроивали борти для сбора мёда, драли лыко с осин на лапти, возделывали землю. В церковь ходили в соседнее село Коростелёво. Уж коростелей в этих «затопных» местах было много, и так назойлив был призыв этой птицы («крэкс-крэкс»), что его жителям и название того села не пришлось придумывать!

Недалеко от Коростелёво, за рекой, было место для выпаса скота, покоса сочной травы. Нелегко было туда добраться в весеннее половодье. Вода уходила долго. Вот и ждали-мучились. Оттого звали это место – Мучкан. Ну, а как построили на том берегу церковь, так и разрослось село – Мучкап.

Река трудилась вместе с мужиком, крутила колёса уже построенных в Мучкапе мельниц, поила скотину. Летом она радовала ребятню, подкладывала на крестьянский стол вкусную рыбу: красавицу-щуку, хитроумного подуста, больших лещей, желтопузых язёй, усатых сомов, ярких краснопёрок, судаков по семь фунтов весу. Баловала его и стерлядочкой. В «холодной» комнате всегда стояла кадушка с засоленной плотвой и чехонью.

Как работали, так и гуляли, отдавая животы на веселье. В хозяйских припасах имелся и «магарыч», и сало, домашняя колбаса, медовуха. В кадках созревали солёные огурцы, помидоры и арбузы. Разномастные самодельные горшки доплна залиты ароматным варением. Гуртами лежала картошка, в ледниках – мясо. Кринки с молоком, сметаной, простоквашей, созревающим в тряпочках сыром – всё умещалось в хозяйских кладовках.

А от сытости этой, да чего ж и не запеть? Вся народную премудрость и чувства переложили жители в частушки. Кто не слышал тамбовские частушки? То-то!

«Нюранюшка
– матанюшка,
Пыдь ко мне «начас»,
Распослдений рас!»

«Я надысь сваво встречаю,
Он картошычку нясёт.
Привычаю-привычаю,
А он глазым не вядёт!»

«Крутиись мельниыца,
Крутиись гладыкыя,
Я у мельныка
Жина сладыкыя!»

И гулевали на свадьбах, крестинах, да по большим церковным праздникам. Отплясывали под гармони и балалайки. Где по дереву, а где и по земляному полу, отбивали лаптями ритм под Матаню. Кидали бобровы треухи в прихожей, благо «бобров в еньтих краях на кажну осину по два».

Малышня – на печак тискается к трубе ближе, да выглядывает из-за занавески: «Что там взрослые делают?» Сопливый молодняк на лавках у двери. Хозяин с хозяйкой во главе

стола. Вот гости – кто самосад садит, кто спорит, разбирая старое. И у половины деревни света в окнах нет, не чадят карасинки, каждый второй дом вымер. А то как? Не позвали – обииида!

«Энтот диверь, энтот сваат,
Энтот кум, а ентот брат,
Ты, Матаня, кем мни будиишь,
Есля завтра приголубишь?»

А после – провожают друг друга до дома, наливая стремennую каждый раз до утра. И уже не понятно кто-кого провожает, кум-куму или чёрт – Ягу.

Текла как мёд размеренная Чашинская жизнь. Вставали затемно – Богу молились, чтоб не серчал за, вдругорядь, матерное слово. От натужного труда-то чего и не скажешь? Поднимали мальчишек-помощников, а то и нанимали работника: «Ишь, хлеба-то ноне вызрели, поди-ка управься!» Дуняша сама вставала, матери помочь по дому. Пока она кормит Аннушку, надо итить на двор, за коровами убрать, кизяки поворочить: «Пусть просохнут!» Они и горят жарко и на мазанку пойдут. В жару дом из них прохладный, а зимой тепло сохраняется.

«Вот и братья скачуть-скачуть, как оглашенные, чего-то про войну кричать»? Прискакали, поводья бросили, бегом к отцу: «Папаня, папаня, война с ерманцем!»

– Какая война? – так и застыл Силантий с топором у чиненного им загона.

– На станции, в Мучкапе, Лёха-а-а-то Кирсановский сказал. Поезд, как час отъехал, начальнику станции депешу передали, с печка-а-атями! – перебивая друг друга, рассказывали новости Иван и Илья.

– Ох, ядрёна мать! – отец левой рукой смахнул пот со лба, продолжая крепко сжимать в другой руке топор.

– Война-а-а, – протяжно произнесла Дуняша. Глаза её заблестели и покатались по щекам две крупные слезинки. Она прикрыла рот платком, сдерживая всхлип. Жалостливо глядела на братьев и отца.

Вышла из дома мамака с запелёнутой Аннушкой на руках. До её уха донёсся плач из соседских околиц. Она невольно сжала плечи, крепче обхватила дочку. «Слышь, мать, война с ерманцем», – тихо произнёс отец. Понеслись ручьём бабьи слёзы, захныкала и малышка. Горе. Война!

Завертелись, закрутились кровавые жернова. Через неделю прискакал с волостным чиновником усатый фельдфебель и забрал с десяток мужиков, годных к строевой службе в Мучкап. Там посадили в эшелон и повезли в Борисоглебск на формирование. Притаились тамбовские сёла. Война далеко, а хозяйство близко. Какая ж хозяйка будет рада отправить сваво мужука в енто горнило?

Но война не бывает без тыла, и царь-батюшка с Думой покупали у крестьян зерно, овощи. Надо же снабжать идущие на фронт войска! Вроде и горе, но крестьянину, ещё остававшемуся на земле – прибыльток.

В 1916 году маховик войны раскрутился вовсю. Императорская армия уже сумела и успешно побить австрияков, и откатиться, из-за слишком растянутых тылов и фланговых ударов германских войск, назад. Наступало время знаменитого Брусиловского прорыва.

Силантий был уже не молод и призыву не подлежал, а вот старший сын – Иван, пошёл в рост и через год попал под мобилизацию. В горнило войны бросали всё новых и новых русских мужиков. А оно, то поглощало их навсегда, то изрыгало назад, покалеченных, контуженных. Иных томило в своём чреве, в плену, чтобы переродить их в семнадцатом-восемнадцатом году уже для другой – гражданской войны.

Летели и летели в города, сёла, деревни печальные известия. Приносили в дома тяжёлый груз, вчистую списанные по ранению фронтовики-земляки. Плакала русская земля слезами

матерей, выла по-волчьи вдовыми голосами, холодела осиротевшими сердцами детей-ребятишек.

На дворе у Лычагиных Дуняша вывела за ручку малышку Аннушку, посадила на скамью, сама стала заниматься со скотиной. Прибежали соседские девчонки. И ну давай с ней забавляются, как с куклой. Учат пальчиком грозить, да платок повязывать. Эна, свеклой щёки и губки намазали, смеются, озорничают! «Ох, надо братьям сказать, – решила Дуняша, – чтоб разогнали они еньтих «сорок пустых»!

Тут и пацанята малые откуда-то взялись, повытаскивали из плетня палки, в войну играют, в «ерманцев» стреляют, в девчонок значит. Дуняша прикрикнула на них. А они ей в ответ гвалтят: «Война-война». Аннушка, что мала, глянь – насупились, вытолкнула из себя: «Вона-а-а», – и серьёзно погрозила пальчиком, ещё не догадываясь, сколько раз она произнесёт в своей жизни это новое слово и сколько горя принесёт ей война, как закалит её характер, каждый раз проверяя перевес жизни над смертью. Всего лишь в два своих младенческих года, это слово, лишило её радостного детства, юности, нежности со стороны отца и матери, братьев. Лишь Дуняша была тонкой ниточкой, связывающей её с этим домом, с самой жизнью и родом Лычагиных.

В марте 1917 года колокольный звон наполнил сёла и города Тамбовской губернии, да и всей Империи. К одной беде, добавилась другая. Царь-император отрёкся от престола. Господи, да за какой-же грех? Ведь без царя в голове жить нельзя, а как же без царя на Руси? Что-то теперь будет с государством, с землёй Русской? Из центра приходили сведения о том, что вместо царя теперь правительство и Дума. И что война с германцем будет продолжена до полной победы!

А она уже была не где-то, стучалась в дверь дома Лычагиных: «Открывай, куманёк, у тебя есть сынок!». В ноябре Ивану исполнялось семнадцать, а значит и он подлежал призыву.

Чтобы не ушёл сын на фронт без потомства, решено было его оженить. Присмотрели на горе девку, общупали родителей и весь род: «Никак – ровня!» Ну и стали засылать сватов. Обрядили двух приятелей, мать бросила им в спину лапоть, на удачу.

Сваты пришли, чин-чином всё обговорили и назначили день «запоя». Невеста Малаша, девка «кровь с молоком» из-за занавеси выглядывает, любопытничает. Уходить, стало быть, сватам, но лаптя от неё в спину не получили, значит сговорились! Под Красну Горку пришла полковница с девками-подружками, хозяйство Силантия осматривают, языками, как бритвой режут. Ну, и, конечно, «магарыч» ставь! Иной «запой» шибче свадьбы бывает. Девку пропи-вали до первых воскресных петухов.

А ребятишкам-то что – забава. Иной взрослый спяну, то конфеткой приголубит, а то и копеечкой. Аннушка, хоть и мала была, но скромна, ой, скромна. Ни конфеток, ни угощений не берёт, стесняется, да за Дуняшину юбку прячется. Коль песню, какую заведут, то тихо, красиво подпевает. А уж ежели Конореечку или Мотаню, моментально вспыхивают её строгие глаза, и давай отплясывать босыми ногами, на потеху всем взрослым. Ручкою машет, покривает чего-то. ВеселАя!

В октябре 1917 сыграли свадьбу Ивану, затем стали загодя готовиться к весенней посевной. Работы было невпроворот, мужуков-то в каждом втором дворе позабирали. Деньгой, правда, новое правительство не обижало, но и требовало большой урожай доставить в сохранности. Пока суд да дело, решили дом поставить Ивану, на берегу Вороны, чтоб было, куда им с молодой Маланьей переехать.

Излом

Но не приехал боле уса́тый мучкапский фельдфебель в Чащино за призывниками, грянул Октябрьский переворот. Побежали, побежали домой уставшие от войны и соскучившиеся

по земле мужики. Цельными «сагитированными» большевиками толпами, бросали свои позиции и возвращались к своим родным. Рухнула, рассыпалась Российская империя. Разбилось вдребезги, как зеркало, подточенная войной, не желающими сильно напрягаться союзниками и заражённая анархией. Царя нет, теперь каждый себе царь. «Своя рубашка – ближе к телу» и «Моя хата с краю – ничего не знаю», стало лозунгом того времени. И началось великое брожение.

Одни, как в Тамбове, где земля родила, занимались собой (зелёные), другие – по центральным городам, делили власть. Большевики (красные) поднимали безграмотных мужиков, простых рабочих, маргиналов и уголовников до уровня чиновников. Разрешали грабить награбленное, убивать «золотопогонников» (офицеров) только за то, что у них по статусу были погоны, пускать «красного петуха» по всем барским усадьбам. Белые, агитировавшие за царя и отечество, мужиков гнобили, загоняли шомполами в свои армии, пытаясь навести хоть какой-то порядок в отдельных кусочках разбитого зеркала. Но зеркала не склеишь, осколки разлетелись далеко и пролегли границы между волостями, губерниями, деревнями, «красными» и «белыми», «зелёными» и «серобурмалиновыми», между отцами и детьми, между кровными братьями.

«Э-эх, гуляй Рассея!» Пьяные от крови, секли «разноцветные» мужики друг друга до седалища шашками, расстреливали сотнями, кидали в ров, каждый раз доказывая силой свою правоту. Вымирало хозяйство, останавливались заводы, голод приходил в города. Три империи, охваченные огнём в первую мировую войну, пылали жарко на человеческих революционных дровах, а затухая, являли миру новые государства.

И купился-таки русский мужик на большевистские лозунги: «власть – народу», «землю – крестьянам», «фабрики – рабочим» и «мир – солдату», наивно поверив в обещания. А поверив, и став солдатом «революции», ради «великой цели» всеобщего «равенства и братства» стал убивать сограждан, не желавших делиться добытыми своим потом и кровью благами. Маленький, РКП (б) эшний пятипроцентный осколочек зеркала, стал неистово плавиться, поглощая рядом разбросанные зеркальные куски, некогда бывшей Российской империи. Оно постепенно остывало, кристаллизовалось и покрывалось железной амальгамой с красным оттенком, будто впитывая всю кровь своих жертв.

В начале 1918 года, от непосильного труда, желая оставить своим детям как можно больше, от потрясений, выпавших на долю русского мужика, от завезённого кем-то из «дезинтиров» с фронта, тифозной воши, скончался Силантий. Перед смертью, причастившись Святых Тайн у местного дьячка, раздал детям слабеющей рукой из загашника по пять золотых червонцев. За старшего теперь остался Иван, а в отцовском доме, стало быть, Илья присматривал за матерью и младшими сестрёнками.

Через два года, женив Илью, иссохнув от тоски по отошедшему на вечной покой мужу, скончалась и мать. Молодая жена Ильи, тоже Анна, почувствовала свою силу в Лычагинском доме и принялась наводить свои порядки. Дуняша тихо плакала, глядя и жалея маленькую Аннушку, которой и доставались все тычки от новой хозяйки дома. Потом решила и пошла к Ивану.

– Ваньша, Христом прошу, заberi ты нас из папинова дома. Силов больше нет. Аннушку совсем затыркала Илюхина барыня. Проходу не даёт, всё не по-ейному, бруктается цельный день, что корова!

– Ладны! Пойдём сундук собирём, живитя у мене. Только уговоыр, я старшой – мене слушить! И Малашу тож! Кормить-поить вас некады, хозяйство большое, помогать будитя.

Дуняша утёрла платком благодарные слёзы на своём лице и побежала собирать сундук и Аннушку. К вечеру уже перешли в Иванов дом, чай пили вместиах. Аннушка с удовольствием вдыхала запахи недавно отстроенного дома. Всё здесь было непривычно, в новинку. Им с Дуняшей отвели просторный закут за занавеской в светёлке.

Жизнь в Чащино продолжалась, текла своим чередом, словно река Ворона, спокойно, вдали от суматохи гражданской войны, но и как река по весне разливалась и сметала прежние островки и наносы, меняя очертания берегов, докатилась гражданская война и сюда. Сначала белый генерал Мамонтов совершил свой конный рейд по тамбовскому краю. Ворвавшись в Тамбов, он передал всё захваченное оружие местному активу Союзу Трудового Крестьянства. Но уже через несколько месяцев Тамбов опять стал «красным». Вот тогда и понаехали из «Тамбова» коммунистические продотряды и стали выгребать зерно в деревнях и сёлах из мужицких закромов.

Сначала зароптали мужики, мол: «Как же так, наше зерно отбирают? Что ж мы есть будем, что сеять?», потом завыли и бабы, понимая, кормить детей будет нечем. В одном из сёл разоружили и убили продотрядчиков, запыхало теперь и на Тамбовщине. В городах были большевики, а вот по сёлам, под руководством бывшего офицера (из крестьян) и Георгиевского кавалера Токмакова, собирались крестьянские партизаны, дабы отстоять свои труды, свой хлеб от несправедливой продразвёрстки, забиравшей подчистую имущество и еду. «Доруководила» новая власть до того, что создалось аж три народных армии из крестьян и принялись они молотить не зерно, а продотрядчиков и местных активистов-коммунистов. И пошёл земляк на земляка, брат на брата.

Аккурат в двадцатом годе появился в Чащино и первый председатель сельсовета, тридцативосьмилетний коммунист Василь Никитович Фузеев, а при нём, кассиром избрали беспартийного Егора Павловича Жиркова. Поскольку председатель был из местных, из Чащинских, то народ сильно не роптал и в противостояние с властями не ввязывался.

В 1921 году стало ещё хуже, зерно на посев практически всё отдали в продотряды ещё осенью и зимой прошлого года. А остатки, что посеяли – не взошли. С весны до осени с неба не упало ни дождинки. Продотряды не отменили, собирать было нечего. Ели голубей, ворон, ракушки из реки, да и река-то высохла, даже старицы и озёрца в лесу превратились в лужи, кишашие пиявками. Рыба вся издохла. Народ в Тамбовских лесах ещё сопротивлялся, но завершив неудачно Польский поход, на усмирение восстания был брошен красный командир Тухачевский и регулярные войска, вместо отдельных отрядов милиции.

Тухачевский подошёл к делу серьёзно и применил против засевших в лесу «народных мстителей» ядовитые газы. Из сорокатысячного народного войска погибли одиннадцать тысяч человек. Остальных репрессировали или силой загнали в Красную Армию, смывать свою вину кровью перед Советской властью.

Но, поговаривали, что лихой фронтовик, земляк Стёпка Чернов собрал свой отряд и мстит новой власти за их «сильничанье». ЧОНовцы и продотрядчики ободрали и расстреляли народ в Чугреевке, Масловке, Кисилёвке, Адрияновке, Кулябовке. А военные части уничтожили Коптево, Хитрово, Верхнеспаское, разметали до основания из артиллерии.

Закрутило Стёпку Чернова это восстание по случайности. Зашёл он как-то с друзьями своими в Чащино на Крещение в январе двадцать первого года играть в карты. Засели они в доме Петра Фёдоровича Серова. Играли, да «магарыч» выпивали. И пришла им в голову лихая идея ограбить сельсоветовскую кассу. Налетели, ограбили, стали дальше играть. Днём из Мучкапа отряд милиции нагрянул, да к Серову в дом, «кто, да где». Допытались и лихих «разбойничков» в Борисоглебск в тюрьму да посадили. Ан через два дня – расстрел, время-то сурьёзное, военное. Ночью заарестованные достали где-то пилу, да перепилили решётки, спускаться вниз по очереди стали, да не успели. Стёпка только с Ильёхой Лопатиным и утекли. Остальных расстреляли утром. В лесах, среди разрозненных Антоновских отрядов и сколотил свой лихой отряд Стёпка. Вернувшись в Чащино расправился с председателем Фузеевым, да с Серовым, за то, что выдал, где они прячутся. Больше никого из сельчан не трогал, а предупреждал, чтоб они отказались участвовать в восстании и не шли в Антоновскую народную армию, так как понимал, что силы не равны, и помощи ждать не откуда.

К 1922 году восстание было подавлено, а его руководители ликвидированы.

Голодно, холодно в Чащино. Ветер стучит незакрытыми дверьми в покинутых домах, погост за селом увеличился раза в два. Пусто... Но, кое-где куриться дымок от кизяка, вот и мальчишка высокочил во двор, в несуразном кафтане, больших онучах, почему-то в девичьем платке и с деревянным ведром в руке. Да это не мальчишка вовсе, это Аннушка по воду пошла. Надо воды в кадушку натаскать, пол помыть, постирать в корыте кой-чего. А то, что голодно, не беда, водички попил и сыт до ужина размером с картофелину, а то и драников напечь на льняном масле с неё можно. Да и Дуняша-душа, не забывает, то маленький горький сухарик дать, то прижмёт к себе и тепло сердцу!

Тяжело приживалась Советская власть на Тамбовщине. Кто бросал всё своё хозяйство и подавался в города, кто продолжал работать, распахивая землю на коровах, вместо лошадей, реквизируемых то красными, то белыми и сгинувших на кровавых просторах «гражданки». И четырёхклассная школа уже была, но немного детишек училось там, все старались помогать взрослым на хозяйстве. Вот и Аннушка, походила туда несколько дён, да Иванова жена стала на неё косо поглядывать, дескать, от работы отлыниваешь, а хлеб даром ешь. Так и осталась она неграмотной на всю жизнь. Самоучкой пыталась читать, складывала слоги. Из письма – только что расписаться и могла, а иногда ставила просто крестик.

Вот уже и Дуняша выпорхнула из братова гнезда. Не висеть же на шее грузом. Выбора-то особого не было, сосватал её, любитель девок погонять и пощупать, Николай Чеботарёв. Сговорились-поженились и переехали к Николаю, в мазанку с земляным полом, да с вишнёвым садом на задворке у оврага.

К середине двадцатых, вроде и село стало оживать, была разрешена кооперация, продразвёрстку заменили продналогом и вместо безоговорочного отбора всего заготовленного зерна, появилась чёткая цифра, сколько должен крестьянин отдать государству со своего хозяйства. А остальным зерном он распоряжался по своему усмотрению. Хотя и здесь Советская власть лукавила, периодически устанавливая заниженную цену, на закупку излишков у крестьян. Ломающие спину с утра до ночи мужики не смогли купить себе в хозяйство новые сеялки, веялки, другие промышленные товары, хоть чуть-чуть облегчающие их нелёгкий труд. Даже здесь с крестьян «драли три шкуры» – государство завышало цены на промышленную продукцию.

Несмотря на это, деревни и сёла оживали, появлялись добротные хозяйства, кооперативы, коммуны. На ярмарках стало веселее, и узоры на расписных лычагинских кринках, чашках и блюдах заиграли другую музыку. В двадцать шестом, после неудачных нескольких родов в голодные годы, появилась и у Ивана надежда на продолжение своего рода. Сына назвали Силантием, в честь деда. За маленьким племянником и стала доглядывать Аннушка. Она теперь в няньках, она теперь старше.

Август в Чащино. Воскресенье. Выходной. Воздух наполнился горьковато-сладким запахом белой полыни, хлеба стоят «агромадные». Картофельная ботва в огородах уже начинает желтеть. Солнце припекает, ребятишки бегают по дворам, играют в казаки-разбойники. А кто на Ворону побежал, купаться, а то и рыбку половить, вентера поставить, да в чужие заглянуть: «Что попало?»

Договаривались гуртом тащить бредень из реки и варить на огне уху. Сбрасывались, кто луковицей, кто морковкой, а уж картоху тащили все.

Аннушка одела белый платочек, взяла Силантия за ручку и айда на песчаную косу за иванов двор к реке. Погреть натруженные ножки в тёплом песочке, да искупать Силку в чистой водице. Выходной-выходным, но уж такая родилась, в другой руке – большущая корзинка с кринками из-под молока. Надо промыть, да на солнышке дать обсохнуть.

Она положила кринки набок, до половины заполнив водой. Рыбьи мальки-глупыши с удовольствием заплыли в кринки и лакомились остатками молока и творога, прилипшими к стенкам. Аннушка резко подняла одну кринку и с десятков мальков очутились в ловушке.

– Силка-Силка, подь сюды, чяго покажу! – Силка закосолапил к своей няне, – Эна, рыбки!

– Ибки, ииибки, – закартавил радостный малыш и опустил в кринку пухлый кулачок, пытаясь поймать мальков. Два или три малька очутились в его руке. И когда он хотел посмотреть, выпрастав ладонь прямо перед своим лицом, что же он поймал, маленькие хитрецы, совершив несколько кульбитов и ударившись об Силкин нос и щёки, упали в воду и дали дёру, присоединившись к большой стае, которая сновала возле кринок в реке.

– Ой, упыйи, – с напущенной грустью Силантий опять полез в кринку, пытаясь повторить эксперимент.

– Экий ты мендяль, – смеялась Анечка над неуклюжестью племяша.

Они бродили по горячей песчаной косе, то зарывая ноги в песок, то от жары забегая по колено в воду, охлаждая горячие пятки. Иногда в воде под пятками щекотался в песке вьюнок, Аннушка заливалась смехом. Затем она ловила руками эту рыбку и показывала Силантию. Вьюн был скользкий и извивался как змея, ни секунды не хотел оставаться в Силкиных ладошках, плюхался в воду и опять зарывался в песок.

Потом Аннушка вымыла кринки, оставив их сушиться на сорванных у берега лопушках, здесь же на косе. Затем принялась за Силкины волосы, поливала водой и втирала в них щёлок. Ещё раз кунула мальчика в воду с головой и растёрла его домотканым полотенцем. Малыш помог собрать ей, ещё тёплую, от солнечных лучей вымытую посуду.

В лесу, на другом осевистом берегу Вороны, где-то у болота, «закрексали» коростели, звать вечереет. Девочка взяла племянника за руку и потянула его домой. Силантий сначала упирался, всё ещё желая продолжения игры в воде с рыбками. Но затем уступил силе Аннушки и покорно поплёлся рядом. Отдохнувшее на реке тело гудело благодатью, глаза чуть слипались. Хотелось горячего чая. А после и поговорить, что было «надызь», полузгать подсолнечны или тыклушины семечки, а может и в карты поиграть.

Дома хорошо, окна открыты, в красном углу свечки у образов стоят. Иванова жена в церкву ходила, молилась о здравии. И куда в гору колобродила с таким-то пузом? Пузо круглехонько, видать девка будет. Сверчок зачирикал за печкой, солнышко клониться к закату. Силка сидит за столом, доедает кашу с постным маслом, зевает.

На полу, на домотканых ковриках его младшая сестрёнка – Зиночка. С любопытством возится с самовязанной матерчатой куклой без глаз.

Аннушка помогла взобраться Силке на печку, положила Зиночку в зыбочку, собрала со стола и пошла доить с Малашей двух коров – Зорьку и Дарьку, что пригнал со стадом сельский пастух. Сначала протёрла влажной тряпкой ноги и вымя рогатой красавицы Зорьки. Корова благодарно мыкнула и в нетерпении, от распиравшего её вымя молока начала переступать ногами, норовя попасть по ведру, чтоб уж хозяйка начала её доить.

– Да стой ты, анчихрист! – строго произнесла Аннушка, успокаивающе похлопывая корову по спине. «Стой, стой милыя!» – она заглянула корове в глаза, погладила мокрый её нос. Намазала руки жиром, прошептала молитву, перекрестилась, подвинула для себя маленькую табуреточку, села и смазала коровьи сосцы. Чуть помассировав вымя, седила первые струи в кринку, затем подставила ведро и принялась доить.

Струи были тугими, плотными, запах молока заглушал запах сена из стоявшего рядом сенника. Воздушная, пузыристая пелена сливок, сразу начала подниматься кверху ведра. Корова благодарно помахивала хвостом и выдувала травяной запах из ноздрей и рта.

– Нюр, сколь у тебя? – спросила Маланья, вытирая лоб краем платка.

– Да чай два ведра уже! Нагуляли, ой нагуляли наши короушки молока! – весело ответила Аннушка.

Три ведра вечером отнесли в ледник, а полведра разлили по кринкам и поставили в холодную комнату, чтоб подать на завтрак иль сготовить чего. Вся готовка с молока – завтра, сегодня – выходной, работать – грех!

И дома Аннушка приглядывает за хозяйством, и на Ивановом поле батрачит с утра до вечера. Да пуще любого мужика упирается, не смотря на свои четырнадцать лет, честную, свою, крестьянскую деньгу зарабатывает! А как же иначе?

Учит брат Иван гончарному делу свою сестру. Крутится гончарный круг под Аннушкиными, не по-детски крепкими руками. Из куска бесформенной липкой красноватой глины от её рук и от её вращения рождаются чудеса. То кринка, то кувшин, то чашка, а то блюдечко. Теперича надобно чуть высушить, да раскрасить цветной глиной-ангобой, а енти кувшины натереть гладким камнем-лошилом, да обжечь до чёрного цвета на коптящем пламени. Скоро осень и ярманка в Мучкапе будет весела, хороша!

Людской помол

Крутится-крутится гончарный круг, как колесо человеческой жизни. Создаёт гончар, как Творец, кувшины и кринки. Будут ли они красивы, словно людские тела? Будут ли они когда-нибудь наполнены, словно человеческие души?

Вот этот кувшин с щербинкой сбоку, а полон и молоко в нём не киснет. А тот – вроде бы и красив, но бесполезен и не нальёшь в него ничего. Ой, а тут кринка совсем треснула и вытекает из неё варение.

Да и у гончара не всегда получается задуманное! И тогда сбрасывает он остатки своей неудачи с круга жизни и летят осколки в небытие. Добрый он или злой? Никто не знает. Только снова и снова крутит он гончарный круг, пробует, создаёт, творит!

Крутится дальше крестьянская жизнь, словно тот круг. Теперь стал землепашец разборчив, не хочет продавать излишки зерна по низкой цене. Изворотлив мужик, смекалист. Но что он против власти, прожжённой в политике, умной, начитанной, окончившей университеты, имеющей под рукой армию, выкованную в гражданской войне. Снова стали гнуть мужика и, вместо продналога, ввели пятилетку. А под это дело единоличник-крестьянин, живущий своим хозяйством среднего пошиба, даже с одной-двумя коровёнками не годится. Им невозможно управлять. Он сам себе голова, а так быть не должно! И понаехали из района с указом: «Всех крестьян согнать в колхоз!».

И начал рубить мужик свою скотину на мясо, чтоб не досталось колхозу. Рубит яблони, рубит вишни. Режет свиней, овец. Хоть мясо останется дома, хоть фрукты детишки зимой поедят. Прячет по сусекам. Понимает, что всё отберут, до ниточки, до зёрнышка, опять. Ничего не дадут взамен. Не согласен он менять всё на коммунистическую теорию. НЕ СОГЛАСЕН!

А несогласных – в ссылку. Осваивать глухие места, валить лес, рыть каналы, работать бесплатно, за похлёбку на голом месте, под солнцем-дождём-ветром-снегом, без крыши над головой. Ах, ты умник? Смекалист? Ничё и там выживешь, да поокладистой станешь! Уже и Заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода приказ подписал под номером 44/21 от 2 февраля 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса». Уже и зачитали его в спецорганах и на партийных совещаниях.

И тут тоже закрутилось. Но не круг гончарный, а мясорубка, перемалывающая судьбы людей, самих людей. Делая из их крови, плоти, слёз – каналы, фабрики, метро, железные дороги. Даёшь людское топливо для ударных строек пятилеток! Усачи-революционеры крепко знали своё дело: «Весь мир насилья мы разрушим, до основания, а затем...» Вот и пришло

это «затем». Легко, просто построить рай чужими руками. Повесить себе орден и скромно улыбаться в пролетарские усы, завидев название «имени Сталина» или «имени Кагановича». Что такое миллионы жизней? Так – пыль на орденке.

Долго, долго упирались Иван и Илья. Приходил к ним в дом и председатель колхоза. Бабы сидели в закутке, сложа натруженные руки на фартуках, мужики курили махорку и хмуро смотрели исподлобья на председателя колхоза, хлипкого односельчанина, у которого в хозяйстве до Советов не водились даже куры, да на Чашинского милиционера – рабочего из района, оставленного здесь на посту после Антоновского восстания. Председатель уговаривал, потом, не выдержав долгих разговоров, братьев начал страшать милиционер. Забыли, мол, как с Черновской бандой разобрались? Тоже, хотите жён и детей в тюрьму, аль ещё куда? Смотрите! Но до ума крестьянина не доходило такое беззаконие. Как же так? Это же моё хозяйство, и я его отдам всем, тому же председателю. Да он враз коров угробит! Не хотели отдавать нажитое в колхоз, даже под угрозой репрессий.

И таких нежелающих набралось много. Но, чтобы не поднялся новый бунт, решила Чашинская власть забирать единоличников по-одному и доставлять в сельсовет для суда. Так и ушёл, сначала Иван, потом Илья. В дом уже не вернулись. Только через неделю после суда, прибежал какой-то мальчишка и сказал, что: «Сажают их на телегу, везут в район, в тюрьму!». Завыли бабы, заплакали детишки. Через полчаса пришёл председатель и ещё несколько таких же колхозников-оборванцев, да пять милиционеров с района, да с двумя телегами. Показали бумагу, а в бумаге – принудительная конфискация скота, птиц для нужд колхоза и приговор: «По решению ПП ОГПУ 3 года концентрационных лагерей!»

Но пожалели Ивана и Илью председатель колхоза и Чашинский милиционер, поскольку были братья незлобливы, да и ребяташки – мал-мала, да Иванова жена Маланья, с грудной Машенькой на руках. Не стали забирать их семьи в ссылку, хотя и наговаривали: «Эна, Нюраня малая, на Ивана батрачит! Кулак, истый кулак!» Однако ж в доме, всю скотину повывели, силком записали всех в колхоз. Топор, пилу и лопату, тоже забрали – приказ: «Всех раскулаченных из Центрального Чернозёмного округа переселить с семьями на Север, в Мурманскую область, на строительство Беломоро-Балтийского канала». А чтоб не тратиться на инструмент, отбирать их у осуждённых. Только в поезд класть в отдельный вагон! Вдруг ещё чего удумают с топорами?!

Малаша только и успела собрать Аннушке котомку с вещами, чтобы передать мужу. Положила туда каравай хлеба, овечьего сыра, луковиц, варёной картошки, да сольцы немножко. Она как чуяла, что с едой будет туго.

Женское сердце не обманешь! Заботливые спецорганы распорядились, при перевозке заключённых кормить их на станциях горячей пищей один раз в два дня. Кто видел эту еду? Кому она досталась? «Зато выживут самые сильные!» - , наверное, так думал Енох Иегуда, он же пламенный большевик Генрих Ягода, когда издавал приказ о раскулачивании.

Братья сидели на телегах серые. Некогда окладистые красивые бороды повисли, выглядели куцыми. Руки безвольно лежали меж ног, взгляды уткнулись в родную землю. Лишь голос сестёр Аннушки и Дуняши вернул их ненадолго к жизни из печальных раздумий. «Ваньша, Илью-ю-ша!», – сёстры прорвались сквозь оцепление, упали братьям в руки, затряслись в горьком рыдании. «Господи, за что? Корми-и-ильцы, родные!»

Народу собралось много. Стоял вой и плач. Несколько телег были готовы к отправке, но милиционеры раз за разом оттаскивали родных от телег с ссыльными. На одних сидели только мужики, на других – семьи с нехитрым скарбом. На дворе стоял март тридцать первого года. Тронулись в путь телеги – завыли страшнее, кто-то из провожавших падал в ещё не растаявшие сугробы и там лежал, сотрясаясь от плача, а кто и просто в полузабытьи, не в силах перенести расставания, а может и вечной разлуки с родными. Рана была страшная.

Позже маленькая Зиночка Лычагина, будучи уже Зинаидой Ивановной Румыниной, на вопрос дочери-пионерки Танечки об их жизни «тогда», скажет: «Некляпа об ентом и говорить!»

Что снилось Генриху Ягоде ночью в камере перед расстрелом, таким же мартовским днём одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года, в родном для него учреждении (ОГПУ-НКВД), которое он некогда возглавлял? Лица спецпоселенцев? Замученные или расстрелянные люди в братских могилах ГУЛАГа? Понимал ли он, что на долгие годы лишит потомков возможности узнать о жизни близких в то время? Нет. Он думал только о том, что его расстреляют по надуманному обвинению. А о преступлении против невинных людей, он и не вспомнит. Это только пылинки на орденке Ленина, только пылинки. Большевики-усачи отвергли Бога. Но Бог не отворачивался от них и терпеливо ждал часа суда! Он может, у него есть вечность.

Прав был Лычагин Иван, не вступив в колхоз, понимая, что там понапрасну угробят его скотину. Угробили! Колхозам был поставлен план по сдаче мяса государству. Порезали всё – и быков, и дойных коров. Всё по плану! Кто с этим будет разбираться? Прядседатель? С ним разберутся позже. Главное выполнить-перевыполнить пятилетний план, отчитаться. Да нет, не к празднику Пресвятой Богородицы, а к «годовщине Революции», чтоб всем палочки за трудодни засчитались. Засчитали. Отсыпали горсть зерна. Ну-у-у, пей его с водой!

На следующий год случился неурожай в Чащино, сдавать нечего, мяса нет, молока тем более. Где прядседатель? Не хватает, не хватает мяса для мясорубки! Нужны ещё люди-человеки, всё перемололи, давай ещё! И пошёл по этапу прядседатель и колхозники, обвинённые во вредительстве и саботаже советскому колхозному строительству. Уже их сажали на телеги и отвозили по этапу. Кого на Север, а кого и до ближайшего подвала тюрьмы. Чтоб засадить девять граммов свинца в черепную коробку и отправить в братскую могилу. Зарыть и забыть. Вот тебе, дорогой сотрудник ОГПУ и палочка-трудодень. У спецорганов – своя пятилетка, свои планы!

Тридцать третий год. Подсобные хозяйства пусты. Половина села опять вымерла. Ни мычания коров, ни хрюканья свиней, ни бляения овец. Даже кошки перевелись. Съели. «Чем завтра кормить троих маляньких рабятишик?» – думают Малаша и Аннушка. Хорошо, что трава пошла в рост. «Нарвать лебяды, да кряпивы, хоть щи с них сварить!» Детишки пухленькие, да не от сдобных булок. Голод. «Голод!» – говорит желудок, – «голод», – крутиться в голове. Руки трясутся в такт словам: «Голод!»

Выручила река-матушка, Ворона-Воронушка. Чуть потеплей, заткнула за пояс подол Аннушка и натаскала самую большую Маланьину корзину ракушек-язычков. На вид-то не очень и пахнут тиной, когда варишь. Но питательны. Поешь, вроде и голод отступайть!

Когда в Поволжье стали есть трупы умерших животных, а в Харькове за год от голода и связанных с ним болезней умерло сто тысяч человек, даже до усачей дошло, что можно остаться и без народа, без фабрик, заводов, каналов, армии, БЕЗ ГОСУДАРСТВА. Стало понятно – только махая шашкой и отбирая всё, невозможно построить рай. Что человек трудящийся должен иметь хотя бы средства производства, материалы для посева, удобную технику, своё подсобное хозяйство.

Зашевелили задами теоретики коммунизма разных мастей. Решили при колхозах создавать Машино-Тракторные станции (МТС), с тракторами, комбайнами, ремонтными мастерскими. Чтобы удобно было колхознику возделывать землю, собирать урожай, чинить технику.

Начали завозить в сельские магазины (сельмаги и сельпо) больше товаров для крестьян. Создавали клубы (в основном на месте церквей, дабы ещё больше утвердить в народе мысль, что Бога нет, а вместо него поставить нового отца-бога – товарища Сталина). Додумались и ликвидировать безграмотность, стало стыдно, что человек будущего не умеет ни читать, ни писать. Но, кто вернёт родных? Молилась Малаша, молилась Аннушка, молилась Дуняша, чтобы Господь вернул Ивана и Илью на родную землю.

И чудо произошло. В тридцать четвёртом году, приехали на телеге с Мучкапа Иван и Илья. Точнее их тени. Осунувшиеся, практически без зубов, исходящие от кашля доходяги. Растеряли здоровье по северным лесам, на рубке деревьев и земляных работах Беломоро-Балтийского канала. Благодарные труженики не забыли вылить из бронзы бюст своему «благодетелю» Генриху Ягоде и замуровать его в основании звезды на одном из шлюзов канала.

По этому случаю достали где-то магарыч и пили «горькую» без слёз. Всё было выплакано раньше. Кабы знали, вы, милые, простые крестьянские бабы, что ждёт вас впереди!

Анна

Оторвавшийся листок

Детишков у Ивана много в доме, тесновато. Денег нет, сами выкарабкиваются. Решила Аннушка пойти жить к сестре Дуняше, чай не прогонят! Сначала обговорила всё с сестрой, та – с мужем Николаем. И Николай не против оказался (ох, кто бы знал почему). Аннушка собрала у Ивана свой узелок, расцеловала детишек, сказав, что обязательно будет к ним заходить и играть, песенки петь, благо дома их стояли недалеко.

Шёл Аннушке двадцатый год. Вся её сила и молодость раскрасили тело притягательными формами. Красивое, волевое лицо, серые глаза, улыбка, с чуть заметной хитринкой, чёрные, как смоль, волосы бережно сплетены в косу, лежащую на упругой девичей груди, нежные, но в то же время, сильные руки, бархатистый голос. А певунья и плясунья была – из первых! Хотя и одежда не ахти, ношена, но парни заглядывались на неё, грозились проводить до дома. Но набожна была Аннушка, слушалась законов Христовых, поэтому парням «спуску не давала». Смотрела на их дела-труды.

А при колхозной-то жизни, «упирающихся» в труде особенно не было. «Кто обо мне и о детишках станет заботиться? Нет. О замужестве думать пока рано. Погляжу маненько», – думала Аннушка о женихах.

Дуняша с Николаем встретили гостью приветливо. У самих уже был маленький сынишка. Подвинулись, приняли родню в дом. Как же рада была Аннушка, оказавшись снова под одной соломенной крышей со своей сестрой. Казалось, ничто не могло их разлучить. Вот и муж еёный, Николай Саблин, видный мужик, красивая. Глаза со смешинками. Как с дорогим гостем с ней гутарит, всё пытается угодить. Постелили на топчане в соседней комнате. Спать легли.

Ночью, зашебуршился Николай, пошёл на двор. «По нужде», – подумала Аннушка, проснувшись от скрипа двери. И так несколько раз за ночь выходил он, не давая спокойно спать новой жилищке. Днями, оставляя на Аннушку малыша, Николай с Дуняшей ходили в колхоз на работу. А с работы, часто приходили порознь, и Николай старался приходиться чуть пораньше Дуни. Всячески задабривал Аннушку гостинчиком, втайне от супруги.

Простая натура не помогла Аннушке вовремя догадаться чего добивался Николай. Она думала, что всё происходит по-родственному, по-дружески. Улыбалась приветливо, как брату, рассказывала о дневных заботах. Что в саду уже вызрели вышны, пора бы и собирать, да что ходила к Ивану, проведать племяшей. Николай сидел рядом с ней в доме на лавочке, поглаживал её по руке.

– Нюранюшка, водицы б из сеней принесла б холодная, жарко чего-то, силов нет, – елеино произнёс Николай. Видать, стеснялся малого своего сына, посапывающего в зыбочке.

Аннушка вышла в сени, подошла с ковшом к ведру. Вдруг дверь опять распахнулась, и Николай коршуном набросился на неё. Вцепился в руки, понимая, что ковшом может получить отпор, повалил девушку на земляной пол и начал лезть своими огромными ручищами под сарафан. Аннушка сопротивлялась, как могла, плакала, причитала, что б не сильничал он. В конце-концов, ей удалось извернуться и сильно ударить его по голове ковшом. Николай ойкнул и ослабил хватку.

– Блядун дурная, Госпыди прости, – крестилась она, – сволычь!

«Что же теперь делать, как жить?» – думала Аннушка, – как рассказать Дуняше? Или не рассказывать? Может у него припадок, припадошный? Эна, жарынь-то какая, вот и поплыл! Ладно, повременим чутка, утро вечера мудренее.

Пришла Дуняша. Николай сидел на лавочке, смурной, потирая ушибленную голову. Аннушка занималась с малым. Дуня сбросила запревший от жаркой ходьбы платок, набросила чистый, подошла к мужу.

– Коль, чаго такой смурнай?

– Да об ком земли споткнулси, да на угол веялки налетел. Голову тут побил, – показывал он на шишку.

– Ой, мила-а-ай, болезный мой, – Дуняша обняла его голову, поцеловала в ушибленное место.

Аннушку, как молния пронзила. Плечи её дёрнулись, на глазах появились слёзы. Нет, не поймёт её Дуняша. «Эна, как любить яго, супостата! Что же делать? Что? Авось утихомирится, авось поостынет».

С этого времени Николай, как с цепи сорвался. Понимая, что боится Аннушка открыться сестре о его домогательствах. Постоянно зажимал её в углах дома, лапая ручищами, жарко сопел. Аннушка молчала. Глотая слёзы, позволяя всё проделывать с собой. Лишь бы сестра не узнала, лишь бы не оттолкнула от себя.

По вечерам супруги Саблины выходили во двор. Аннушка, закончив хлопотать по хозяйству, торопилась на улицу, на гуляние. Опостылел ей Дуняшин дом. Может братьям сказать? Нет, не откроешься, укажут – сама виновата, зачем ушла жить к Саблиным? Да и мужуки поговаривают так-то: «Сука не захочет, кобель не вскочит!» Из колхоза не убежишь, документ не дадут. Слёзы её душили, не пелось ей на гуляниях, ходила как в тумане.

Николай продолжал приставать и в один из дней ниточка, ещё державшая Аннушку здесь, на этом свете, лопнула. Она сопротивлялась из последних сил, исцарапала ему лицо. Грязно матерясь, вытирая рукавом рубахи кровь и сплёвывая через зубы скопившуюся слюну, Николай выскочил из сеней, побёг умывать царапины.

Аннушка, обессиленная от борьбы, лежала на земляном полу, тупо смотря в поперечную деревянную балку крыши. Мысль пришла сама собой. Она поднялась, сделала пару нетвёрдых шагов, подняла валявшуюся в углу толстую плетёную конопляную верёвку. Яростно подвинув пустую бочку, перевернула её вверх дном. Забравшись, начала с остервенением вязать узлы на балке и вить петлю. Она ненавидела сейчас весь мужской род, проклинала судьбу, войну, новые порядки, милиционеров, колхозников, всех, кто так или иначе, сделал её сиротой так рано. Даже Дуняша сделалась ей ненавистной. Истерзанная, попанная, брошенная в этом мире, она надевала петлю на свою смуглую шею. Абсолютное одиночество. Беззащитная песчинка на гончарном круге.

«Господи, прости!», – откатилась бочка, ноги повисли в пустоте. Петля сдавила горло, в голове зашумело, стал исчезать внешний звук. Вдруг кто-то обнял её ноги, натяжение петли ослабилось. Отдалённо прозвучало: «Нюра, Нюра, что жа ты? Госпади-и, прости её грешныя! Нюра, Нюра, ты мне слышь? Коля, роднай, бяги, помоги мне, скорейя!» Не мог Господь, в которого так истово верила Аннушка, оставить её в трудную минуту, не дал согрешить и наложить на себя руки, послал ей Ангела-хранителя в лице Дуняши.

Сам охальник развязывал петлю своей жертвы, вымаливая прощение. Всё узналось, всё открылось, но, тем не менее, положение Аннушки у Саблиных от этого не изменялось. Она не могла себе простить попытки самоубийства, не могла простить Николая. Понимала и то, что весть о случившемся быстро разлетится по селу, все будут «лясы точить», показывая на неё пальцем. Но самое главное, она не могла простить себе, что в какой-то момент возненавидела Дуняшу, её родное, кровное существо, её душу.

Сестра до ночи разговаривала с Аннушкой, отпаивая её чаем, успокаивая судорожные рыдания, прося прощение за мужа. Пытаясь как-то замилостивить сестру, Дуняша обмолвилась, что в Мучкапе набирают добровольцев на ударную работу, на торфоразработки, где-то около Москвы.

Аннушка, вроде как очнувшись, схватилась за это новость. Начала расспрашивать подробнее. Да, незадача, по годам не подходит, трудармейцы должны быть на два года старше! Решили через родню – «десятую воду на киселе», добавить в документ недостающие два года.

Через неделю на Мучкапском вокзале Саблины провожали Аннушку в дальнюю дорогу. В посёлок Запрудня Талдомского района Московской области лежал её путь. Она долго не могла оторваться от Дуняши, Николай, как ни в чём не бывало, суетился подле.

Ни руки не подала, ни словом с ним не обмолвилась, зашла в вагон с чемоданом и двумя котомками. Села возле окошка на деревянную лавку и принялась плакать, смотря на вытирающую слёзы краешком платка Дуняшу. Поезд тронулся, поехал. Стало отрываться Чашинское время, сладко-горький запах полыни, сладко-горькая её юная жизнь на этой благодатной земле.

Часть II

Пётр

Сольцы

Это был не колокольный звон, Пётр ещё помнил, как звенели колокола в храме Архангела Михаила на площади в Талдоме, до того, как посшибали с него маковки со звонницами в середине тридцатых годов, да завезли оборудование для обувной фабрики. Тот звон был мелодичный, ласкал слух, предвещал таинство причастия, воскресного утра, цветных женских платков и базарного дня.

Сейчас звенело всё: и воздух, и земля. Раскачивался адский колокол войны, своим звуком вынимая из тел людских души и разум. Он заставлял жалко прижиматься, сливаться с земляным дном траншеи, твердить запрещённое «Отче наш» даже самых безбожных партийцев. Звон переходил в гул, перемежёвывался со скрежетом рвущегося металла, земля ходила ходуном, из-за поднимавшихся от разрывов бомб столбов грунта и пыли не видно было неба, хоть день стоял и солнечный. Только по теням, проносившимся над плотным скопищем взвеси, можно было понять, что немецкие самолёты не отпускают свою добычу, штурмовики устроили «карусель» и сбрасывают свой смертоносный груз по очереди на передовые позиции горнострелковой бригады на высоком берегу Мшаги.

Рядом с Петром, прикрыв руками голову, лежал его земляк Сергей. Пётр думал, что ты не одинок в этой мясорубке. Что вот – твой товарищ, живой, рядом, тоже, как и ты, старается выжить, значит это нормально, значит ты не трус! «Почему трус? Не-е-ет!» Этих гадов он не боялся! Так же, как и делал башмаки, знал хорошо винтовку, и срочную в Красной Армии служил. По-хозяйски обходился с патронами, берёт обоймы в подсумке в промасленной тряпочке. По команде стрелял, стараясь положить мушку под середину тела наступавшего фашиста.

Первый раз, под Сольцами, его только замутило, когда вlepил он пулю в, выскочившего немецкого ефрейтора. Ни Пётр, ни немец не ожидали такой близкой встречи, да и вообще, немцы мало чего ожидали от Красной Армии. Перед ними уже чётко вырисовывался образ России, как «колосса на глиняных ногах», озвученного министром пропаганды Геббельсом. Только дунь и он упадёт!

Так и шли немецкие войска вперёд, как на прогулке, распевая «Лили Марлен», попутно убивая, грабя и насилуя «недочеловеков-славян». А тут вдруг, под Сольцами, побежали назад, рванули в одних подштанниках аж на сорок километров, бросая технику, от удивительного забега округляя в страхе глаза.

«Под Сольцами, да, как странно было под Сольцами, ведь и не думали, что фриц победит! Эна, отмахали германцы от границы сколько! Пол-России протопали, сколько ж эшелонов на фронт ушло и «сгорело» -, содрогаясь от разрывов думал Пётр. «Ведь и нас в Ленинграде недолго готовили, по слухам, вроде в Карелию хотели отправить с финнами воевать, а отправили назад, по той же дороге, что ехали в Ленинград. Только и успел, что письмо кинуть Аннушке что, жив, мол, здоров, еду воевать с немцем. Ах, Нюорочка, моя, детушки, каб знали вы, как же тут страшно. Всё нутро гудит, а ответить этим гадам чем? Дык и пальнул бы в этого коршуна, да не видать за пылью!»

«Ох и пыль летит, да под колёсами, привязала ты меня своими косами!» – вдруг пропелась в голове его частушка. «Анечка любила, когда я пою. Милая моя, добрая моя, где-же ты?»

Чтобы не сойти с ума от бомбёжки, плотно сжав винтовку в руке, Пётр скрылся за своей оболочкой внутри себя, вспоминая свою жизнь.

Счастливая жизнь

Вот их хутор, прямо по лесной дороге от деревни Кривец, что на берегу реки Дубны близ города Талдом. Рядом с большим домом стоит распряжённая бричка, лошади на поляне щиплют травку. Братья Василий и Сергей, сестрички Мария и Анна сидят с родителями все за столом в красном углу, черпают из чугунка кашу. Протяжно мычит корова в хлеву, трава возле дома большая, вся в росе, рядом дремучий лес. Вот отец учит его, Петра, башмачному делу. Талдомские башмачники известны на всю Россию. Купцы только и навещают к ним в Талдом за товаром. Благо Савёловскую железную дорогу провели и станцию сделали в городе.

Вот он уже юноша, отца схоронили, разлетелись из хутора все дети. Повыходили замуж сёстры, братья оженились. Сам Пётр тоже с невестой ходит, да больно матери она не нравится, часто шмыгает носом. Мать живёт с ним, но благословения на женитьбу его с невестой не даёт, после армии, говорит. Вот – срочную отслужил в Красной Армии, вернулся. Пошёл работать в артели башмачников, но грустно ему, невеста ждать не стала. Да вдруг сестра Мария, подсказала, что есть у них на торфоразработках, в Запрудне, статная черноволосая девушка, доброты необычайной, а уж хозяйственная, смекалистая, только что не грамотная (впрочем, это не было редкостью тогда), и решила она познакомить брата ненароком.

Анна стояла у большого котла, готовила для рабочих щи. В полевой печурке огонь потрескивал и был приятен, отгоняя обволакивающую сырость болотистой почвы. Гуртом у тепла вились комары. Девушка отмахивала их берёзовым веником, периодически вытирая передником пот со лба.

– Нюранюшка, познакомься, это мой брат Петя, – весело произнесла Мария.

– Пётр, – нарочито сурьёзно представился он.

– Аня, – поправив прилипшую кудрявую прядку у виска, Аннушка протянула руку для рукопожатия.

«Ого, какая крепка рука, натруженная, а глаза какие серые, а голос! Чистый бархат!» – про себя отметил Пётр.

– Нюра, спой-ка нам пару танбовских частушек, развесели гостя, а то он чего-то смурной с утра, – раззадоривала Аню Мария

– Дык и спую, чего ж не спеть! Пётр, а чего приехал, сестру провожаешь, али по делу какому?

– Маша говорит, у тебя обувка стёрлась, а у меня ноне есть башмачки, может сговоримся?

– Эна, купец-молодец какой. Ну, стало быть, показывай!

Пётр достал из чемоданчика башмачки.

– Ох и хороши! Ах тыыы, рукаастай, а чёрен-то, как цыган! Петь, тебе хуч коня и в табор, а?

– Давай-давай, зубы заговаривай! Вот возьму тебя, как цыган и украду из еного табора!

– А я тебя вот ентим ухватом, да по голове, – Анна потянулась за ухватом у печи.

– Да не боись, не цыган я, чтоб тебя воровать. А на танцы пойдёшь? Гармонист у нас в Талдоме хорош, хошь кадрили, хошь барыню сыграет, только ножки береги!

– Ну, коль Маша пойдёт, дык и я схожу! Вот как раз в еньтих башмачках и прийду. Проверю, коли пляску выдюжат, то и деньги отдам. Сколь стоят-то?

– Дык двадцатку давай и сочтёмся!

– Ох ты, быстрой какой, десятка – красная цена!

– Ну, ладно, давай двенадцать рублей и порешили!

Мария улыбалась, наблюдая за их смешным торгом. Глянула Аннушка Петру, эх, красивая пара получится!

Субботним вечером встретились все в Талдомском парке, на танцах. Лихой гармонист заводил и кадрили, и плясовые, много частушек было спето, но больше советских-колхозных:

Растяну гармошку шире,
Пусть девчата подпоют.
Чтобы знали во всём мире,
Как колхозники живут!

Ах ты Петенька-Петруша,
Выходи-ка ты на свет.
Что бы лекцию послушать
В клуб зовёт нас сельсовет!

Нам в колхозе веселее,
Мы в колхозе не одни.
Сеем, пашем, не робеем,
Получаем трудодни

Между плясовыми Аннушка рассказывала о себе:

– Знаишь, когда приехала сюды, вначалины тяжко было. Сыро. У нас не так-то, пожарчее. А комаров у вас – страишь как много, так и вьются роям, роям! Покусали мне шибко. Вот и захворала лихоманкой. Трясёить, да все кости ломить. Отляжались я, стало быть, в лазырете. Да тут Маша-душа, попросила повара взять к себе в помышь. Так вот при котлах и кошеварю. Но люди здесь хорошие, в обиду не дадут!

– Да, люди у нас што нада! Работящие, поющщие и немного пьющие, – рассмеялся Петя.

– Знаешь, Нюранюшка, хочу тебя с маманей познакомить, да с братьевьями. Поедем, пого-стюем. Да чаю попьём, племяшей моих посмотришь. Одной-то, в бараках, поди скучно?

– Ох, ну и быстёр ты, ну чистой цЫган! Ну, дык, ладноть, парень ты вроде свойский. Только ко мне – никшни. А то шаз охальников-то много. Чё потом дееть-то? Ладноть, поехали, посмотрю на жизнь твою.

– Тогда в субботу, после работы, на бричке приеду к тебе, ты уж жди!

– Ну и сговорились!

Авдотья принимала «невесту» строго. Долго пили чай. Она глядела то на Аннушку, то на Петю, понимая, что жить она останется с любимым Петрушей. А вот кто будет рядом? Здесь надо было не промахнуться. Пете – широкой душе, первому-распервому башмачнику и певуну нужна была крепкая хозяйка, да такая, чтоб и за скотиной походить, да мужу в делах помочь, ночью утешить, да за детишками и свекровью чтобы догляд был. А то, что неграмотна – невелика беда! Эна, руки-то какие – трудовые, привыкшие к работе. А взгляд – ласковый! Скромная и очень уважительная к ней, старшей в доме.

Аннушка пришлась ей по нраву. Ничего не говоря, Авдотья тайком погладила Петину руку, это был добрый знак.

В тридцать шестом, на Красную Горку сыграли свадьбу. Потом переехали из хутора сначала в дом в Большом Страшево, а затем поселились в Талдоме на Московском шоссе, почти у пожарной каланчи в двухэтажном деревянном доме. И хорошо, до базара-то шаг шагнуть! Бричку продали, когда покупали дом, теперь она за ненадобность. Петя стал учить Аннушку башмачному делу. Ох, ну до чегож смекалиста! И подобьёт колодочки правильно и песню

попросит спеть, и сама подпоёт. В доме всё ухожено, занавесочки на окнах кипельно-белые, на железной кровати подушки под вязаными накидками. Тикают ходики. Уютно. Маманя не нарадуется на невестку. Стучат молоточки, да льётся песня из их окон:

Из-за острова на стрежень
На простор речной волны
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны.

«Ну почему у нас, простых людей, счастье всегда с горем женихается?» – думал Пётр, уже не слыша разрывов бомб, летая где-то далеко, над Талдомом, километров за шестьсот от этого адского воя. Вспомнил, как в конце тридцать шестого родилась у них с Аннушкой дочка Катенька, как рада была Авдотья внучке. Аннушка связала Катюше носочки из шерсти и маленькие, прям игрушечные, «варежки». Но не уберегли девоньку, простыла, закашляла, усопла в горячечном сне. Первые сединки в её смоляных волосах появились именно тогда, в начале тридцать седьмого года, когда хоронили Катюшу на городском кладбище в Ахтимне-ево. Молча постояли у могилки, потом закапали маленький гробик обитый красной тряпкой. Только лились и застывали от мороза на лице Аннушки слёзы. Она смахивала эти льдинки тыльной стороной варежек, не смотря на Петю, винила во всем себя, перенесённую малярию, которая не дала шанса на жизнь этой маленькой девочке.

«Бог дал, Бог взял. На всё Его воля!» – всё, что произнесла она за этот день. Её лицо изменилось. Первые морщинки легли под глазами, чуть стали поджаты губы. Но во взгляде появилась какая-то решимость. Она стала ещё усерднее в труде, не принимала опеки тёщи, а сама старалась её опекать. С Петей была ещё более страстна и одержима в их любви.

Тридцать восьмой год был и счастливым, и несчастным. В стране раскручивался маховик репрессий. «Враг народа» – было самое популярное ругательство в те годы. Им кидались и в магазинах, и на колхозных собраниях, в очередях. До тех, кого ещё не затронули репрессии не доходил весь ужас этого словосочетания. Они не слышали лязг наручников, скрип тюремных дверей, воя избиваемых во время допроса людей. Они не видели обречённости глаз, увозимых на полигон для расстрела арестантов. Они не понимали, что раз приклеенный на человека этот ярлык без следа будет снят только через долгие пятнадцать лет, за которые многие из арестантов загнутся от голода, вшей, побоев, каторжной работы в застенках ГУЛАГа.

В местной потребкооперации, начальником которой был брат Петра Василий, выявили недостачу. И не то, чтобы она была огромной (в каком магазине этого нет), но последствия в те годы были самыми трагическими.

«Земля слухами полнится», – говорят в народе. Хоть и не слышали «на воле» крики допрашиваемых в камерах заключения, но, каким-то образом, информация об ужасе, творящемся у следователей, доходила до людей интеллигентных, образованных. Василий это понимал, осознавал, никого из своих коллег и родственников подставлять под удар «карающих органов» не хотел. Ничего никому не сказав, просто пошёл в лес, надел на себя петлю и удавился.

Каково матери хоронить сына, каково братьям и сёстрам хоронить вдруг ушедшего брата? В городе шептались, «враг-враг», «проворовался», «недостача». Но, к счастью, дело не стали расследовать, а может, и вовсе такового не было. Просто нервы были напряжены, и свет чёрных воронок НКВД по ночам доводил людей до безумия.

Наконец, счастье пришло и в дом Петра и Анны Шевяковых. Летом родился у них мальчик, да черноволосенький, да уже и с кудряшками на голове. Бойкий мальчонка! Смышлёный. Володечка! В честь Ленина! А как же? Аннушкины глаза снова заулыбались, от сердца отлегло. Петя вечером часто брал сына на руки, чуть позже, качал его на ножке. Пел песенки, играл в «ладушки» с ним:

Ладушки-ладушки, где были?

– У бабушки!

– Что ели?

– Кашку!

– Что пили?

– Бражку!

– Попили? Поели?

Кшу – полетели, на головку сели!

Мальчонка заливался от смеха, поднимая ладошки над головой, радостно бегал по комнате, веселил бабушку Авдотью.

«Вот цыганёнок шалый!», – подначивала его Аннушка, смотря в его карие глаза. Пётр приспособил Вовочке деревянный молоточек и тот с удовольствием стучал по принесённой деревяшечке, важно пыхтя и поправляя «заготовку». «Рукаастай! Весь в отца!» – гордо и протяжно говорила мать.

По Талдомской брусчатке грохотали телеги в базарные дни. Иногда одиноко, на радость детишкам, проезжала машина. Малышня и подростки гнались за ней, что было духу, но всё же на горке отставали. Талдом жил простой жизнью провинциального города, узнаваемый только по обувным изделиям местных артельщиков, да по тому, что «где-то тут родился Салтыков-Щедрин, революционный, надо сказать, писатель, который против царя сказку написал». Незаметно пролетела и закончилась советско-финская война, разгромили белофиннов одним ударом, «встречай нас, красавица Суоми» (про потери все молчали и какой ценой досталась нам часть Карелии), границы всё ж от Ленинграда отодвинули на наших условиях, писали газеты. Про то, что на западе собирается грозная сила, газеты не писали. А что писать? Сталин поддержал Гитлера, Гитлер поддержал Сталина. Мы им уголь, нефть, они нам станки, оборудование. ДРУЖБА!

В конце августа сорокового года родилась дочка-Верочка. Ну, уж такая хорошенькая, такая пригоженькая. Аннушка не выпускала её из рук, помятуя о судьбе Катеньки. От люльки не отходил даже маленький Володя, нежно глядя сестрёнку по розовым щёчкам, немного картавя, шептал «Ве-я». Молоточек был заброшен. Ему было удивительно видеть ещё одно живое существо в их комнате. Для ребёнка произошло чудо. Он был один, а теперь их стало двое.

Зимой, с декабря по начало марта было очень холодно, очень! Топили нещадно печку. Ветер дул не переставая, заметал улицы мелким снегом, мороз трещал у отметки мину сорок пять градусов. Многие обращались в талдомскую больницу с обморожениями. Кто-то по пути и замёрз до смерти. Дома укутывали Вовочку, в три пуховых платка – Верочку. Кабы не простыла, Аннушка обвязывала себя платком крест на крест, чтобы не застудить грудь. Но справились, в конце марта зазвенела капель, в апреле у Юдино вскрылась ото льда Дубна и весна ворвалась в Подмосковье. Начали готовить землю к посадкам. Опилили замёрзшие фруктовые деревья, их почти и не осталось.

Июнь сорок первого на исходе, Верочка делает первые шаги по комнате, но всё же ещё просится на мамины руки. Бабушка Авдотья, нет-нет и побурчит на Аннушку, что, дескать, приучила дочь к рукам. А та – всё улыбается, отшучивается: «Ну что вы, маманя, всё хорошо! Эна, уже и ходит. Ну и побалую я ещё. Посидит на ручках, чай не убудет!»

Вошла пшеница на полях, картошка проклюнулась. Клубника в огородах стала приобретать красноватый оттенок. Уже прошли первые грозы, но тут грянула другая гроза, кровавая, страшная.

Петя вспомнил до мельчайших подробностей тот самый последний мирный день в их с Аннушкой жизни. Солнышко поднялось с востока, предвещая жаркий воскресный день. Ещё в субботу решили проведать брата Сергея и его жену Ксюшу в Кривце, съездить к нему, затариться медком, искупаться в Дубне, посидеть под цветущими липами, да половить рыбки

на реке. Дружны они были с братом. Дети ещё сладко посапывали, а они с Аннушкой уже стали собираться.

Петя ходил на площадь, договорился с извозчиком, чтобы он подогнал свой тарантас к дому. Положили в кузовок вещи и гостинцы, часов в десять тронулись. Солнце уже припекало вовсю, ехали лесом часа два через Пановку, через бывший их хутор, который стоял теперь позабыт-позаброшен. Он всё показывал сыну на обветшалый дом, с галочьими гнёздами, да колодец с журавлём около. «Вот, сынок, я тут жил, и бабушка твоя жила и братья-сёстры мои. Хорошо жили, дружно. Башмаки чинили, да скотину пасли, грибы-ягоды собирали. Смотри!»

Маленький Вовочка смотрел на дом во все глаза, ему было чуть жутковато. Он ближе прижимался к отцу и ухом, через одёжу, слушал его «унутренний» голос. Верочка, пригревшись на Аннушкиных руках, посапывала и не обращала никакого внимания на дорогу и разговор.

Гостям в Кривце были рады. Ксюша, жена Сергея, очень любила сладкие городские конфетки, с удовольствием приняла гостинцы и повела родственников в дом, есть, только что приготовленные, «финтиклюшки». На столе стоял противень с пышущими плюшками, посыпанные, превратившимся в глазурь, сахаром. Тут же чугунок каши, с таявшим наверху сливочным маслом, кастрюля с медовухой, тарелка с сотовым мёдом, кринка молока. Пара рюмочек и гранёных стаканчиков. Все расселись на скамьях. Выпили за встречу и потёк неспешный житейский разговор о житье-бытье, о детях, о родителях, да и о детстве, как раньше было, а как сейчас. Мужики больше говорили о проведённых на хуторе годах, женщины занимались и играли с ребятишками, да делились хозяйственными премудростями.

Встали из-за стола, вышли на огород, сели под липки. Маленький Вовочка, почувствовав простор, носился, как угорелый между деревьями. «Вова, к ульям-то особо не подбегай, а то вжалить пчёлы могут» – предупреждал сына отец. А ему – хоть бы хны, везде своё любопытное личико просунет и глядит глазами как «вышиня» на пчёл, да на леток, откуда они выползают. И не трогают его пчёлы. Удивительно. Свой!

Потом пошли на реку купаться. Ох, день жарок! Водича прохладна, хороша. Аннушка с Верочкой не стали купаться, только побрызгались на мелководе водицей, боялись застыть. А Пётя с Сергеем изловили Вовочку и учили его плавать по-собачьи в воде. Бабы причитали, чтоб не «утопи рабёночка», но больше понарошку, зная, что мужуки такого не допустят. Часов в пять пили чай, да в шесть собрались домой, чтоб засветло. Сергей запряг телегу, да повёз гостей до Талдомской дороги. Доехали скоро. На дороге солнце только-только начало присаживаться к лесу. Мимо проезжала бричка, сговорились о двух рублях, поехали к дому.

Война

Попутный возница ехал смурной, молчал полдороги. А Пётр, будучи немного «нависеле», старался его разговорить.

– Да что ты такой хмурый? – не выдержав упорного молчания, сказал Петя.

– А с чего веселиться? Война ведь! – вдруг ответил зло возница.

– Да ладно парень, что ты чепуху мелешь, какая война? Финская, уже как год прошла!

– С немцем война, Молотов в полдень по радио выступал, я в Запрудне был, слушал радио. Бабы плачут, вой подняли. Мужики все в военкомат пошли.

– Слушай, друг, гони, может мне тоже надо, а мы тут отдыхаем, едрит её через коромысло!

Возница припустил лошадей. Домчались до Талдома. У дома мама Авдотья с повесткой в руках встречала их перед калиткой. Солнце уже показала свой край. В последних его лучах Пётр прочитал: «Явиться в Талдомский военкомат 23.06.1941 к 09.00 с личными вещами. При себе иметь паспорт и военную книжку».

Дома собрали Петру котомку, в неё положили умывальные принадлежности, пару рубах, брюки, смену белья, да ватник. Завернули в чистую тряпицу краюху хлеба, сало, несколько луковиц, да пару головок чеснока. Аня всё пыталась положить образец и сунуть крестик в руку Петра.

– Ну, что ты, Аннушка, нельзя, не положено! – уговаривал её муж не делать этого. Жена смирилась и всё равно про себя нашёптывая молитвы.

Наверное, как и миллионы Советских людей, в ту ночь они не спали, пытаюсь представить, как будет там, на войне, что будет после? Напротив, в домах тоже горел свет. Война собирала с Талдома первый невозвратный кредит в обмен на жизнь оставшихся в тылу граждан.

Под утро Пётр притушил свет, в лучах зари пристально посмотрел на жену.

– Ты что, Петруша?

– Хочу запомнить тебя такой! Вот буду там ночью, к примеру, глаза закрывать, чтоб поспать, хочу, чтоб ты мне снилась!

От этих слов, у Аннушки перехватило дыхание, она обвила тела мужа, отдаваясь той всепоглощающей силе любви, которая связывает мужчину и женщину воедино.

Быстро бежит время, неумолимо тикают ходики. Вечность рассыпается на минуты, секунды. Пора!

Собирали призывников на территории пожарной части. Пропускали за деревянный высокий забор к каменной каланче с вещами и назад уже не выпускали. Аннушка провожала Петра с маленьким Володей и Верочкой, которую несла на руках. Мама Авдотья дальше калитки не пошла, от расставания со своим любимым сыном, у неё вдруг отнялись ноги. Так и стояла, оперевшись на свежевыкрашенные доски, грустно глядя в след своему чаду, вытирая горестные материнские слёзы.

Вовочка семенил за отцом, держась за ручку фанерного чемодана, по-щенячьи поскуливая: «Пап, папа, па-а-а». До части было дойти всего пятьдесят метров, но для Шевяковых это расстояние казалось долгой дорогой длиною чуть ли не в жизнь.

У ворот Аннушка расплакалась, сын тоже стал хлюпать носом, Верочка тихонько захныкала. Пётр долго не мог отпустить из объятий своих родных, но старый усатый военный с кубарями сержанта подгонял: «Ну всё, ёхн, давай, памашь, а то, ёхн, развели болото! Ничааво не случится, разбалындаем мы ентог немца за месец, только, ёхн, перья будут лятьеть! Вернётся твой воин, не переживай!» Пётр взял чемодан и, легохонько подталкиваемый в спину усатым сержантом шагнул за ворота. Это был последний раз, когда он обнял свою жену.

За два дня за забором набралось человек сто, когда двадцать шестого июня, к вечеру стали строить повзводно для отправки, он услышал за воротами Аннушка голос: «Петя, прощай, храни тебя Бог, на вот, детишков поцалуй!» И из-за забора по рукам призывников ему поочерёдно передали сначала Володеньку, потом Верочку. Он поцеловал и потрепал по кучерявым волосам сына, расцеловал в глаза и щёчки свою дочь, с трепетом вдохнул её детский, пропитанный Аннушкиным материнским молоком, запах. Предал их через руки сослуживцев назад. «Ну, вот и всё!»

Ворота открылись, призывники строем двинулись к станции, сквозь плачь и вой родных. Пыль клубом висела над шоссе по бокам, кто махал платком, кто распевал песни под гармонь, кто, задыхаясь от пыли, кричал. И Анна тоже кричала, но разве перекричишь строевую: «Разгромим, уничтожим врага!»

У здания вокзала милиционеры отгоняли наседавшую толпу провожающих. Паровоз стоял под всеми парами. В теплушках уже сидел народ из Дмитрова и района. Талдомчан посадили в четыре пустых вагона и поезд тут же тронулся. Он увидел в проеме сдвинутой вагонной двери, у переезда, её белый платок в руках и расслышал, сквозь протяжный гудок истошное: «Петя-я-я»!

Он вздрогнул, это был визг пикировщика и отблеск упавшей бомбы.

- Серёга! Живой? – стараясь перекричать бомбёжку, заорал Петя.
- Да жив вроде, только гимнастёрку посекло!

Сквозь толщу пыли метрах в пяти валялась чья-то оторванная нога. Петр похлопал Серёгу по спине, указал пальцем вперёд. Серёга, напрягая связки проорал: «Кажись Мишаня Голов, пулемётчик!» – и шёпотом добавил: «Царствие небесное».

От вида убитого товарища у Петра «засосало под ложечкой», чтобы отвлечься, он опять окунулся в недалёкое прошлое...

Ленинградские дни

Поезд ехал неспешно, кто-то из «пронирыливых» уже узнал, что везут в Ленинград. В каждом вагоне назначили отделённого. На остановках только он имел право ходить за кипятком, распределять паёк в вагоне. По пути было всего четыре остановки. Но стояли долго, пропуская эшелоны с техникой и уже отмотилизованными войсками. Кроме этого, ничего не напоминало о том, что пожар войны уже вовсю полыхает от Баренцева до Чёрного моря. Лишь некая растерянность в глазах железнодорожников на полустанках.

Всю дорогу до Ленинграда спорили, как быстро мы победим Гитлера. Пётр, вспоминая свою срочную службу, даже не сомневался в победе. Он участвовал в учениях, видел лавину конницы, даже танки и бронемашин участвовали там. Такой силищей, да, конечно, одолеем и скорей, скорей домой!

В вагоне было полно сватов, кумовьёв, братьев, друзей и шапочных знакомых. Ещё на сборе все перездоровались и порешили, что вместе воевать сподручнее, и было бы хорошо, если всех отправят служить в одну часть! Вон и отделённый у них Миша Нестеров из Гуслево, на срочной был младшим командиром, авось и в части ими командовать будет!

Более молодые новобранцы уже сейчас рвались в бой и боялись, что без них война закончится. Мужики или спорили, или тихо тосковали по родным. Пётр запел «Бродягу», некоторые нестройно подтянули песню, только отделённый Нестеров неодобрительно бурчал себе под нос: «Нет чтоб „Тачанку“ спеть, того и гляди от тоски стошнит! А то ещё кто из командиров услышит и вздрючит за упадничество!»

Проехали новгородские леса, потянулись бараки ленинградских торфоразработок и рабочих посёлков. На Ладожском вокзале подогнали машины и повезли в казармы. Город притих, кое-где появились мешки с песком вокруг зенитных орудий, но прислуга вокруг них бродила отвлечённо, изредка возвращаясь к орудию, заслышав гул самолёта. Но это были наши «И-16», «ишачики». Запрокинув голову и махнув им вслед, прислуга опять разбрелась или рассаживалась на мешках.

По громкоговорителям на улицах передавали бравурные марши.

- Город большой! И дома барские, эна, смотри сколь этажей!
- Да и в Москве тах-то!
- Тах-то, да и не так! – спорили меж собой талдомчане.

Ехали через весь город, но все дивились количеству набережных и каналов, одетых в гранит.

– Во сколь воды! – дивился Серёга Левин, весельчак и балагур, всю дорогу травивший анекдоты.

- А у нас, стало быть, Дубна, Сестра, Нерль, да Куйменка, – вторил ему Костя Лебедев.
- А Сталинский канал? А Волга? – спорил с ним Серёга.

– Да что Волга? Тут вон на каждом шагу речка! Да и море рядом, Балтийское! Вот скажи мне, ты на море был? Нет? А я был, в Севастополе городе! Это, брат, сила! Такой порт, такие корабли! Нешто Гитлер это одолеет? Ка-ык дадим со всех орудий, только и лететь до своего хаузе будет! – не унимался «повидавший мир» Лебедев.

– Да-да, в штаны наложит ещё, вонищци на весь мир, похлеще, чем у нас на свиноферме! – добавил весельчак Серёга, и всё отделение засмеялось в голос. Нестеров прикрикнул на новобранцев, и все опять жадно стали смотреть на пролетающую мимо архитектуру города на Неве.

Машины повернули на Проспект Маркса и доехали до длинного пятиэтажного п-образного здания.

– Дом 65! – кто-то в голос прочитал табличку на доме.

По краям у здания высились решётки, за ними виднелись одноэтажные казармы. Машины повернули в ворота.

– Кажись, приехали, земляки! – храбрись, сказал Серёга

Остановились, последовала команда отделённого: «Выгружайсь!» Народ начал спрыгивать с машин, подавать друг другу чемоданы, вещмешки.

К отделениям сразу подбежали военные с кубарями старшин и сержантов.

Новобранцев повели в казармы. Приказали оставить вещи и сразу построили всех в баню. Перед баней в отдельном, обложенном белым кафелем помещении, гарнизонный цирюльник брил механической машинкой всех наголо. Очередь сначала стояла к нему, потом получали нательное бельё, вехотку и мыло. Перед душевой санинструктор протирал оставшуюся нательную волосатость какой-то жуткопахнувшей и щипающейся тряпкой, отчего все торопились быстрее убежать от него и смыть всё водой, чтобы унять нестерпимый зуд.

– Эх, с дороги косточки помыть, да милую забыть! – шутил Серёга.

– На фронт пойдёшь, там не только милую забудешь, а и мать родную как зовут! – отвечал Костя.

– Да нет, мать-то там и вспомнишь, как немца погонишь, а как жиж, только по матери ему в догонку и будешь покрикивать, – решил тоже пошутить Пётр. Остриженные новобранцы расхохотались.

Вообще было странно смотреть на людей без волос, совершенно другие лица, только души и человеческое тепло остались те же. Телами все были поджары, а кое-кто и москулист от натуженной сельской работы. Мылись и парились, с удовольствием фыркая, как молодые жеребцы и подкидывая, на белые от жара камни, воду из тазиков. Натирали друг друга намыленными вехотками до покраснения кожи.

– Эх, была у нас у дома в деревне баня, топили, правда, по-чёрному, дык вот мы с женой любили париться, и ребятишков возьмём. А им-то как весело! – продолжал рассказ кто-то из новобранцев. Напарим их, закутаем и в дом отнесём, они прям, не доходя до сеней, засыпали. Ну а мы, стало быть, в баню с женой. Париться!

– Небось, всё там, у супружницы, выпаривал? – съязвил Серёга

– Не без ентого, конечно. Но вот что там было, а здесь нет? Ну, скажи мне, охальник, мать-растак!

Серёга задумчиво почесал лысую голову, а Пётр с Костей, смекнули и, улыбаясь, подначивали друга, дескать, давай-давай.

– Да всё то же, только тут город, а там деревня!

– Эх, ты, выдавший мужик, а простого – не видишь! Веников нет! А без веников это не баня, душ! Нету здесь запаха, ни берёзы, ни дуба, ни даже никудышной липы!

– Ишь какой, ему сюда и веник, и бабу егоную подавай, а здесь, брат, этого не положено, здесь Красная Армия! – вступился за друга Костя.

С удовольствием вытирались полотенцами, потом встали в очередь к старшине, который оглядывал размер бойцов и выдавал форму и обмотки с ботинками.

На плацу всех было не узнать. Из разношёрстной толпы вдруг появилось какое-никакое, но всё же войско. Уже служившие здесь несколько дней ленинградцы с любопытством разглядывали новеньких.

Раздалась команда: «Бригада, ровняюсь! Смирно! Равнение на середину!» и майор, видимо начальник штаба, строевым шагом пошёл делать доклад:

– Товарищ полковник, – зычно раздавалось на плацу, – личный состав Первой отдельной горно-стрелковой бригады построен! Докладывает заместитель начальника штаба майор Цыганков!

Подтянутый, высокий полковник с большим, чуть вытянутым лицом, поднёс руку к фуражке, поставленным голосом приветствовал своих бойцов:

– Здравствуйте, товарищи красноармейцы!

Новобранцы недружно, кое-где и невпопад ответили:

– Здравия желаем триц полковник!

Полковник, воевавший ещё в Первую Мировую, Гражданскую, помотавшийся по разным частям и должностям, через свой огромный опыт, понял, что имеет дело с резервистами, уже как лет пятнадцать-двадцать не помнящих, что такое строевой устав и оружие. Он скомандовал:

– Вольно! – затем, откашлявшись в руку, продолжил, – меня зовут Грибов Иван Владимирович. Я – полковник, командир воинской части, куда вы прибыли. По вашим хилым головам, понимаю, первое, что вас ещё не кормили и второе, что строевой устав вы забыли, как та бабка, что девкой была, а посему, приказываю, накормить вновь прибывший личный состав и командирам рот провести вечером строевые занятия. Старшинам и сержантам закрепить за личным составом оружие, личные вещи собрать и отправить нарочным на почту, чтобы послать по месту жительства.

Набрав в лёгкие воздуха, он повысил голос:

– Всем необходимым теперь вас обеспечит Красная Армия, для того, чтобы вы смело и решительно, а, главное, умело, били ненавистного нами врага, эту подлую фашистскую сволочь, которая топчет нашу землю, мучает и убивает наших граждан! Вам оказана высокая честь и ответственность, изгнать врага с нашей земли и бить его уже на германской территории.

Теперь голос его достиг максимального пика:

– И как сказал наш нарком Молотов: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» Ура, товарищи!

Тут уже строевой устав не потребовался, в едином порыве бойцы закричали дружно: «Ура-а-а-а!!!»

Ночью в казарме не спалось, как-то так всё быстро навалилось на Петра, на его семью, на всю страну. Ещё только-только наливались хлеба, и тут – война. Сложно было поверить, что это не сон. Успокаивало его только то, что мы обязательно погоним фашистов, обязательно. Да с такими парнями! Вон, хотя б Серёгу взять или Лебедева. Да этот немца как муху на столе размажет! И домой, домой! Ах, Нюра-Нюрочка, где ты? Мамаша, детишки. Так бы и обнял всех, да далеко!

Побудка прошла в шесть утра, для деревенского мужика поздновато. Хотя и отвык Петя от деревенских-то петухов. Если и вставал по петухам, то только у брата в Кривце, по хозяйству помочь, коня напоить иль на реке угрей половить.

Сначала их взвод умывался, потом Нестеров выстроил их на плацу. Поскольку все из их отделения проходили срочную службу, присягу им не зачитывали, а старшина сразу приступил к выдаче оружия.

Вот и она, трёхленеечка, а не привычный карабин, как на срочной службе Петра. На лошади сподручней с карабином было. Шашка слева, карабин за спиной – боец лихой! Впрочем, неважно из чего по немцу стрелять. Записали за красноармейцами номера, оружие поставили в оружейную комнату, отвели на завтрак. Пока шли, спорили.

– Непросто это в человека стрелять, – говорил Серёга

– Дык, а ежели он в тебя метит, что делать буш? – парировал Костя

– Да, ребята, видимо сам Бог велел на крючок нажать, да половчее, – согласительно ответил Петя.

После завтрака Нестеров повёл их к спортгородку, где чуть в отдалении, привязанные к палкам, стояли чучела. Кто-то из умельцев на тряпичных головах уже успел нарисовать гитлеровские усики.

– Во, сейчас начнём Гитлера щекотать! – засмеялся Серёга

– Разговорчики в строю, Левин, – застрожил Нестеров.

Вчера после отбоя командиров отделений и рот вызывали в штаб бригады, где проводили с ними политбеседу о текущем положении на фронтах. И Нестеров, теперь уже знавший всю аховую ситуацию, ещё более посуровел со своими подчинёнными.

– У тебя враг во дому, а ты всё ржёшь, как конь!

– Товарищ командир, да я ж вижу Гитлеру тут нарисовали, и так его пощекотать захотелось, чтоб он лопнул от той щекотки, ядрёныть!

– Молчать! Отделение, смирно! – заорал Нестеров, увидев, что за спинами бойцов его отделения прохаживается командир бригады, побежал к нему делать доклад.

– Товарищ полковник, первое отделение второго взвода четвёртой роты третьего стрелкового батальона проводит занятие по штыковому бою. Докладывает младший командир Нестеров.

– Молодец, молодец, Нестеров! Сразу чувствуется выправка! Здравствуйте, товарищи бойцы, – лихо, почти пропел, полковник.

– Здра-жела-трищ-полковник! – не ожидая от себя, как на параде ответило отделение.

Громче всех старался Серёга.

– Ну и что у вас за спор, вот с этим горластым?

– Да болтает в строю!

– Ну-ка боец, выйдите из строя!

Серёга сделал два шага вперёд.

– Товарищ полковник, красноармеец Левин! – стараясь, отчеканил он.

– Вот, Левин, понимаешь, какая штука, дисциплина она важна не только в бою, но и на учениях. Ты тут смеёшься над усами этого чучела. А между тем, этот враг серьёзный, опасный. И чтобы победить его, надо прежде слушать своего командира! К примеру, командир отдаёт тебе команду «Огонь!» А ты в это момент времени ржёшь, как сивый мерин. И что мы имеем? А мы имеем ослабленную огневую мощь отделения. В результате оно несёт потери. Да-да, вот из-за того, что ты не стрелял по врагу, твоего же товарища справа (он указал на Петра) ранило вражеской пулей! Понятно, Левин?

– Так точно, товарищ полковник!

– Ну, ладно, встаньте в строй!

– Есть!

Серёга шагнул в строй, а полковник продолжил.

– Оно, конечно, нашалили тут с усами, но не для того, чтоб дисциплину нарушать, а чтоб не страшно тебе было в бою, когда ты вот эту сволочь штыком колоть будешь!

– Ну-ка, командир, дай винтовку!

Нестеров отдал полковнику винтовку с примкнутым штыком. Командир бригады взялся левой рукой за цевьё, правой перехватил у рукоятки. Встал перед чучелом за шаг.

– Командуй, Нестеров! – обратился он к отделённому

– Коли!

Полковник сделал быстрый выпад на шаг вперёд и с силой воткнул штык в мешковатое, соломенное тело чучела.

– Руби! – опять скомандовал Нестеров

Со вторым шагом полковник выпростал вперёд правую руку и боковиной приклада врезал по голове чучела так, что его матерчатое усатое лицо провернулось вокруг своей оси.

– Вот так вот, ребяташки, надо бить врага. Дисциплинированно и с холодной головой!

Он отдал винтовку, отделение разбилось на три группы возле чучел и начало отработывать удары.

Рубили и кололи, пока не взмокли гимнастёрки. Июньское солнце приближалось к полуденному положению.

– Отделение, закончить занятие! Становись! Нале-во! В казарму ша-гом ма-а-арш!

Пётр нарубался так, что разговаривать даже был не в силах. Обедали молча, жадно поглощая суп и кашу. Потом был небольшой перекур. После комиссар роты провёл «среди масс» политинформацию. В основном цитировал речи Молотова и Сталина, поднимая боевой дух солдат. Однако, положение на фронте рисовал общими фразами. Дескать, наши бойцы отважно сдерживают превосходящего противника и, переходя в контратаки, уничтожают боевую силу и технику врага, буквально дивизиями. Бесстрашные Сталинские соколы истребили огромное количество самолётов – фашистских стервятников. Лихие конармейцы бороздит траншеи пехоты противника и обрушивает на их головы всю мощь красных будённовских клинков.

Вездесущий полковник, сидя на заднем ряду, с каждым воодушевлённым сообщением хмурился всё больше. Он знал положение на фронте, понимал, какую сложную задачу предстоит решить, бригада, которую ему приказали возглавить, была не доукомплектована, личный состав – в основном люди в возрасте, давно не державшие в руках оружия, а если и державшие, то только старого образца. Недокомплект вооружения составлял практически пятьдесят процентов! То есть, каждый второй боец бригады должен был сражаться голыми руками или добывать оружие на поле боя. Станковых пулемётов и вообще пулемётов – кот наплакал. Он даже подумывал, в целях экономии, не проводить хотя бы одни контрольные стрельбы.

Единственное, что его радовало, это наличие в бригаде роты спортсменов-альпинистов. Хотя эти подготовлены, в случае чего их можно было использовать в разведке или как боевой кулак.

Всего несколько дней талдомчане находились в Ленинграде. Третьего июля полковнику Грибову пришёл приказ погрузить бригаду в эшелон и отправить... нет, не на Карельский перешеек, куда, собственно, и задумывалось перебросить Горно-Стрелковую бригаду, а на Новгородское направление.

Четвёртого июля бригада была поднята по тревоге, выстроена на плацу, распределена по машинам и отправлена на станцию для погрузки в эшелон. Петя выпросил у отделённого лист бумаги. Пока ехали, писал отрывисто и быстро. «Нюрочка, как ты, как мамаша, как Вовочка и Вера? У меня всё хорошо, здесь много наших! Еду на фронт бить врага! Не скачайте, пишите чаще. Ваш сын, муж и отец – Пётр». На конверте он указал номер полевой почты 610 и Талдомский адрес – Московское шоссе д.42. На адресе рука его непроизвольно дёрнулась, он вспомнил, как ещё вчера заполнял «смертельный медальон» – записочку со своими данными. И, перед тем как положить её в цилиндрическую эбонитовую капсулу, с обратной, абсолютно пустой стороны записки, крупными буквами написал так же: «Талдом, МОСКОВСКОЕ Ш., Д. 42».

Как приехали на станцию, все кто писал письма, передали их отделённому Нестерову. Тот по команде письма отдал старшине, который бросил их в почтовый ящик. И полетело письмо на Родину, понесло весточку от Петра. Получила его Аннушка, когда бригада уже вовсю вела бои под Сольцами.

Ехали по той же железной дороге с Витебского вокзала. Мимо проплывали знакомые пейзажи. Останавливались часто, враг бомбил железку и, для восстановления путей, необходимо было время. С любопытством красноармейцы выглядывали в проём теплушек, когда проезжали место бомбёжки. Недалёко от путей зияли воронки. Металл, попавший в зону пораже-

ния, был перекорёжен. Края воронок были обуглены, иногда и из её центра курился дымок. Бойцы зябко передёргивали плечами, пытаясь представить с какой силой им придётся столкнуться на фронте? Но больше всего удручал вид разрушенных пристанционных домов. Ведь наверняка, наверняка были и жертвы, женщины, старики, может быть даже дети.

И тут вспоминались слова полковника, что враг серьёзен, что одолеть его можно только слаженно, дисциплинированно, с холодной головой. Даже балагур Серёга Левин, всю дорогу молчал, наливаясь холодной яростью.

Случайное знакомство

Недалёко от новгородской Песи, на полустанке «Хвойная», эшелон бригады остановился напротив состава с войсками, уходящего на Ленинград. Нестеров, занятый хозяйственными списками, отправил Петра за водой на всё отделение к ближайшему колодцу. Он спрыгнул из вагона, напротив, из Московского эшелона, спрыгнул невысокий боец. Обмундирование его было явно новее, чем у их отделения, щегольская гимнастёрка, пилотка, а не будёновка, блестящий ремешок перетягивал пояс, а на ногах – сапоги, а не обмотки с ботинками.

– Привет, земляк!

– Привет!

– Тоже за водой?

– Угу

Щеголеватый невысокий боец при разговоре активно жестикулировал. Хитровато прищурив глаза, с показным великодушием произнёс:

– А что у вас старшина зажил ли форму?

– Да нет, такую всем выдали.

– Да-а-а, не повезло вам! Кстати, Иван Левин – представился он, хлопнув Петра по плечу.

Потом боец переложил котелок в другую руку и протянул ему правую для рукопожатия.

– Пётр Шевяков. С каких краёв будешь? – тоже назвался Пётр, пожимая руку.

– Я-то? Из Москвы, а ты откуда?

– Из Талдома, это дальше Москвы, на север, за Дмитровом, знаешь?

– А-а-а, – неопределённо протянул Иван.

– Слушай, у нас в теплушке есть тоже Левин. Серёга. Может родня?

– Нет, в Талдоме родни нет. Хотя-я-я, – хитровато потянул он, – кто его знает. После войны может и будет. Вот у тебя дети есть?

– Есть, мальчик и девочка. Мальчику два, а девочке год почти, – отвечивал Пётр.

– А как назвал?

– Парня-то Володей, в честь Ленина, – гордо повествовал Пётр, – а дочку Верочкой нарекли.

– О, видишь! И у меня двое. Старший – тоже Владимир, и тоже в честь Ленина, ему почти четыре, а младший – Санька, ох и шустрой он!

Состав, вдоль которого они шли, закончился, показалось низенькое деревянное станционное здание.

– Вот я и говорю, – продолжал Иван, размахивая смешно руками как птица, – немцев сейчас прогоним, дети наши подрастут и обженим, хотя бы моего Вовку и твою Веру! И будет у нас родня в Талдоме, а у вас в Москве.

– Хорошо, коль так, да как скажет моя Нюряня: «Не хвально, а Богу помолясь!»

– Тише ты, Петь! Она у тебя верующая чтоль?

Понимая, что сказал лишнее первому встречному, Пётр осёкся. Но, подойдя вплотную к Ивану, явно вызвавшему у него симпатию, как бы оправдываясь, продолжил:

– Да. Уж борюсь-борюсь с ней, знаешь, после смерти нашей первой дочери Катеньки, только на него она и надеялась. Я т, канешн, не очень в это верю, но вот маманя, да она. Уж и крестик мне в дорогу давали, но я не взял, стыдно как-то, да и нельзя!

– Что нельзя, это верно, а что не взял, дурак! У нас многие взяли, авось с ним жив будешь! – и тут же Иван весело продолжил, – живы будем – не помрём. Ха, но по-секрету, я тоже взял. Лена, жена, из-под образов в сундуке вынула, отдала, так я его в гимнастёрку, в ворот зашил!

– Эна, колодец-то, а народищу! – увидев толпившихся бойцов прервал Ивана Пётр.

Жаждающие воды красноармейцы продвигались к колодцу неспеша. Кто курил, кто разговаривал в этой очереди друг с другом. И если б не военная форма, если б не военная форма... Соседи общаются о делах, о жизни, ну и, конечно, о женщинах, о простых русских бабах, оставшихся сейчас там, за чертой под названием «тыл». Они красивые и нет, верные, а может быть взбалмошные, но любимые мужицкими сердцами, тоскующими и оторванными от дома.

Пока достояли и набрали кипятка, прошло полчаса. Пошли в обратный путь.

– Ну, так как, породнимся после войны? – хлопая по плечу Петра, спросил Иван.

– Обязательно! – отвечал по-простецки Пётр.

Выйдя за последним вагоном состава, они услышали протяжный гудок паровоза, который тянул поезд Ивана. «По вагонам!» – команда эхом раскатилась в новгородских соснах. Иван прибавил шаг.

– Слушай, Петь, запомни мой московский адрес. Пиши туда, моей Лене, а она мне переправит. После войны встретимся! Москва, Проектируемый проезд барак 8, Левиным, запомнил?

– Да!

– Тогда давай, свидимся ещё!

– Петь, давай залазь, – протягивал ему руку весёлый курчавый красноармеец, Лёвка Рубинштейн, высунувшийся из теплушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.